

ДЕТЕКТИВ: НОВЫЙ УРОВЕНЬ

Я

ТЕБЯ ВИЖУ

КЛЭР МАКИНТОШ

Психологический триллер (АСТ)

Клэр Макинтош

Я тебя вижу

«Издательство АСТ»

2016

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Макинтош К.

Я тебя вижу / К. Макинтош — «Издательство АСТ»,
2016 — (Психологический триллер (АСТ))

ISBN 978-5-17-135640-8

Сначала было просто маленькое невзрачное фото Зои Уокер и неизвестный номер телефона в разделе объявлений одной из лондонских газет. Розыгрыш? Недоразумение? Глупая шутка? Так считают родные и близкие Зои. Но ей самой не дает покоя ужасное подозрение: неужели кто-то следит за ней? За тем, как она каждое утро одной и той же дорогой направляется к поезду, ждет на платформе, садится на любимое место в вагоне? Все вокруг считают, что у нее разыгралась паранойя. А на следующий день на том же месте появляется фото другой девушки. А потом еще одной... И постепенно женщины, чьи фотографии оказывались в газете, одна за другой становятся жертвами жестоких нападений. Теперь Зои уже совершенно уверена: она – следующая в страшном списке загадочного преступника...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-135640-8

© Макинтош К., 2016
© Издательство АСТ, 2016

Содержание

1	6
2	10
3	13
4	21
5	26
6	35
7	40
8	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Клэр Макинтош Я тебя вижу

Clare Mackintosh
I See You

© Clare Mackintosh, 2016
© Перевод. М. Акимова, 2021
© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

* * *

1

Мужчина позади меня стоит так близко, что его влажное дыхание касается моей шеи. Чуть отстранившись, я вжимаюсь в чье-то серое пальто, от которого пахнет мокрой псиной. Дожди, кажется, идут без передышки с самого начала ноября; над притиснутыми друг к другу разгоряченными телами поднимается легкий пар. В мое бедро упирается угол дипломата. Поезд с грохотом поворачивает. Зажатая толпой, я неохотно упираюсь ладонью в серое пальто. На «Тауэр-Хилл» вагон выплевывает дюжину пассажиров и заглатывает еще две дюжины одержимых желанием вернуться домой на выходные.

– Проходите в середину вагона! – призывает голос из динамика. Но никто не двигается с места.

Пассажир в сером пальто выходит, и я занимаю его место, откуда могу наконец дотянуться до поручня и не чувствовать дыхание незнакомца на шее. Мою сумочку увлекает назад, я выдергиваю ее и прижимаю к себе. Пара туристов из Японии с гигантскими рюкзаками на груди занимает куда больше места, чем положено этим двоим. Женщина напротив замечает, что я смотрю на них, ловит мой взгляд и морщится в знак солидарности. Я тут же опускаю глаза. Мои ноги со всех сторон окружены самой разной обувью. Мужскими ботинками, большими и блестящими, которые выглядывают из-под брюк в тонкую полоску. Яркими женскими сапогами на высоких каблуках и с невообразимо узкими носами. Я замечаю пару блестящих чулок: черный нейлон исчезает в белоснежных кроссовках. Владелицу разглядеть невозможно, но я представляю ее – двадцатилетнюю, с парой головокружительных туфель на шпильках, которые прячутся в объемистой сумке или в ящике рабочего стола.

Сама я никогда не надевала шпильки днем. Только-только успела выбраться из шнурованных «кларков», как забеременела Джастином, а когда стоишь на кассе в супермаркете или уговариваешь малыша идти по улице, тут уж не до модельной обуви. Теперь я стала старше и умнее. Целый час добираться на шпильках до работы и обратно. Запинаться на сломанных эскалаторах. Уворачиваться от колясок и велосипедов. И ради чего? Ради восьми часов за столом? Лучше приберегу туфли для праздников и выходных. Для работы же я сама придумала себе униформу: черные брюки и множество эластичных топов, которые не нужно гладить, но при этом они выглядят достаточно элегантно, чтобы сойти за наряд для офиса. А в нижнем ящике моего стола хранится кардиган на случай особенно загруженных дней, когда потенциальные клиенты без конца открывают дверь и впускают холод с улицы.

Поезд останавливается, и я выбираюсь на платформу. Дальше предстоит пересечь на надземку. Она часто оказывается такой же перегруженной и все-таки нравится мне больше. Под землей тревожно, там трудно дышать, хотя я и понимаю, что все это лишь в моей голове. Просто мечтаю работать рядом с домом и добираться до места пешком, но этого никогда не случится: приличную работу можно найти лишь в центре, а доступную ипотеку – только на окраине.

Поезда еще нужно дождаться, и в киоске рядом с билетным терминалом я покупаю экземпляр «Лондон Газетт».

Мрачные заголовки очень подходят для сегодняшней даты – 13 ноября, пятница. Полиция предотвратила очередной террористический акт: первые три полосы заполнены фотографиями взрывчатки, изъятой из квартиры на севере Лондона. Пролистывая снимки бородатых мужчин, я подхожу к заветной трещине в асфальте, прямо под указателем с надписью «Платформа». Именно здесь окажутся двери вагона, и прежде, чем он набьется до отказа, я успею проскользнуть на свое любимое место в самой глубине и прислониться к стеклянной перегородке. Вагон быстро заполняется. Я кидаю взгляд на стоящих людей, с виноватым облегчением отмечая, что среди них нет стариков или явно беременных женщин.

Хотя на мне балетки, ноги все-таки ноют: почти весь день пришлось простоять у картотечных шкафов. Я вовсе не обязана ими заниматься. Поддерживает порядок в картотеке и снимает копии совсем другая сотрудница, но она уже две недели на Майорке, а судя по тому, что я увидела сегодня, к документам не прикасались еще дольше. Жилая недвижимость оказалась перемешана с коммерческой, а арендованная – с продающейся. И я совершила огромную ошибку, сказав об этом.

– Тогда разберись с этим, Зоуи, – ответил Грэхем.

И вот, вместо того чтобы договариваться о просмотрах, я стояла в открытом всем сквознякам холле у кабинета Грэхема и сожалела, что вообще открыла рот.

«Хэллоу и Рид» – неплохое место. Раньше я приходила сюда раз в неделю и занималась счетами, потом офис-менеджер ушла в декретный отпуск, и Грэхем попросил ее подменить. Я бухгалтер, а не секретарша, но деньги мне предложили приличные, к тому же в тот момент от меня ушли несколько клиентов, так что глупо было не ухватиться за такую возможность. И вот три года спустя я все еще здесь.

К станции «Канада Уотер» вагон заметно пустеет, и если кто-то продолжает стоять, то делает это по собственной воле. Мужчина на соседнем сиденье так широко расставляет ноги, что мне приходится отодвинуться. Напротив я замечаю еще двоих в той же позе, что и мой сосед. Они нарочно так себя ведут? Может, это какая-то инстинктивная потребность выглядеть крупнее прочих? Женщина передо мной передвигает хозяйственную сумку, и я слышу звяканье бутылок. Надеюсь, Саймон догадается положить вино в холодильник: неделя выдалась длинная, и сейчас мне хочется только взять бокал, свернуться калачиком на диване и смотреть телевизор.

Несколько полос «Лондон Газетт» занимают жалобы какого-то из прежних финалистов «Х-Фактора», который сетует на «время славы», и дискуссия по поводу законов о неприкосновенности частной жизни. Я не особенно вчитываюсь, просто просматриваю фотографии и заголовки, чтобы не чувствовать себя совершенно оторванной от жизни. Не вспомню, когда в последний раз изучала газету полностью или смотрела новости от начала до конца. Так, урывками поглядываю «Скай Ньюс» за завтраком или выхватываю названия статей, заглядывая через чужое плечо по пути на работу.

Поезд останавливается между Сиденхэм и Кристал Пэлс. Я слышу разочарованный вздох в дальнем конце вагона, но даже не смотрю в ту сторону. Уже стемнело, и в окне мне удастся разглядеть лишь отражение собственного лица, еще более бледного, чем в реальности, и искаженного струями дождя. Я снимаю очки и потираю следы от оправы на переносице. Сквозь треск динамиков прорывается объявление, но голос у машиниста настолько глухой, а акцент настолько сильный, что слов не разобрать. Он может говорить о чем угодно: от сбоя на линии до покойника на рельсах.

Надеюсь, дело не в покойнике. Я начинаю думать о бокале вина и о том, как Саймон будет массировать мне ступни, а затем становится стыдно, что собственный комфорт волнует меня больше, чем отчаянный поступок несчастного самоубийцы. Но, разумеется, нет там никакого тела. Покойники подходят для утра понедельника, а не для вечера пятницы, когда до работы еще два с половиной восхитительных дня.

Раздается скрип, а после наступает тишина. Похоже, задержка – в чем бы ни была ее причина – затянется.

– Дурной знак, – произносит мой сосед.

Я неопределенно хмыкаю в ответ и продолжаю листать газету. Однако спорт меня не интересует, а кроме него осталась только реклама и театральные обзоры. Такими темпами я вернусь домой не раньше семи. Значит, придется отменить цыпленка, которого планировала запечь, и ограничиться легким перекусом. По будням готовит Саймон, а я – вечером в пятницу и в выходные. Если бы я попросила, он бы взял на себя всю неделю, но я не могу такого поз-

волить. Не могу допустить, чтобы Саймон готовил для нас – и для меня, и для моих детей – каждый вечер. Наверное, куплю что-нибудь навынос.

Деловой раздел я пропускаю, дальше идет кроссворд, но у меня нет с собой ручки, поэтому принимаюсь изучать объявления, думая найти работу для Кэти. Или для себя, если уж на то пошло, хотя и знаю, что никогда не покину «Хэллоу и Рид». Там хорошо платят, и я понимаю, чем занимаюсь. Если бы не босс, место вообще было бы идеальное. Клиенты по большей части приятные. Как правило, это стартаперы, которые подыскивают офисы, или преуспевающие бизнесмены, готовые расширить свои фирмы. Мы редко занимаемся жилыми помещениями, если не считать квартир над магазинами, что подходят и тем, кто впервые при-сматривает себе жилье, и попавшим под сокращение. Довольно часто попадаются и те, кто недавно развелся. Если есть настроение, я даже говорю, что знаю, через что они проходят.

Женщины каждый раз спрашивают:

– И все обернулось к лучшему?

– Развод – самая замечательная вещь, которая со мной случалась, – уверенно отвечаю я.

Именно это им хочется услышать.

Среди объявлений не оказывается ни одного предложения для начинающей актрисы девятнадцати лет, но я загибаю уголок страницы с вакансией офис-менеджера. Не помешает знать, какие есть перспективы. Секунду я представляю, как войду в кабинет Грэхема Хэллоу, вручу ему заявление об уходе и скажу, что не намерена терпеть, когда со мной обращаются будто с грязью под ногами. Но, взглянув на информацию о зарплате, напечатанную под вакансией офис-менеджера, я вспоминаю, сколько времени билась, пока не начала наконец зарабатывать деньги, на которые реально прожить. Из двух зол нужно выбирать меньшее, так ведь говорят?

Последние полосы «Газетт» – сплошь иски о возмещении ущерба и убытков. Я намеренно сторонюсь предложений ссуд и кредитов – при таких процентных ставках нужно или сойти с ума, или быть в отчаянии, чтобы согласиться, – и перехожу к рекламе «Разговоров для взрослых» внизу страницы.

«Замужняя дама ищет случайные тайные встречи. Чтобы получить фото, присылайте слово «АНГЕЛ» на номер 69998».

Я морщусь, но скорее из-за непомерной стоимости сообщения, чем из-за самой услуги. Кто я такая, чтобы судить других? Уже собираюсь перевернуть страницу, готовая покорно читать о вчерашнем футбольном матче, когда замечаю объявление, размещенное сразу под «Ангелом».

На секунду мне кажется, что просто глаза устали. Старательно моргаю, но ничего не меняется.

Увиденное настолько поглощает меня, что я даже не замечаю, как поезд снова трогается. От внезапного рывка меня швыряет в сторону. Я машинально выставляю ладонь и касаюсь бедра соседа.

– Извините.

– Не волнуйтесь, все в порядке.

Он улыбается, и я заставляю себя ответить ему тем же. Но сердце продолжает бешено колотиться, и взгляд возвращается к объявлению. Как и во всех остальных, там есть предупреждение о том, что звонки платные. Сверху напечатан номер 0809. И адрес сайта www.findtheone.com¹. Однако я смотрю лишь на фото. Лицо крупным планом, но можно еще разглядеть светлые волосы и краешек бретельки черного топа. Эта женщина старше прочих, но снимок настолько зернистый, что трудно определить ее точный возраст.

¹ Find the one – найди ту самую (англ.). – Здесь и далее прим. пер.

Только вот я знаю, сколько ей лет. Уже сорок. А известно мне это потому, что женщина в объявлении – я сама.

2

Келли Свифт стояла в середине вагона поезда, мчавшегося по Центральной линии, и на поворотах для равновесия переступала с ноги на ногу. На «Бонд-стрит» в вагон ввалились двое ребят лет четырнадцати-пятнадцати. Они состязались в непристойностях, от которых коровило. Было слишком поздно для факультативов, а на улице уже стемнело, и Келли понадеялась, что мальчишки едут домой, а не на вечеринку. В их-то возрасте.

– Гребаная херня! – Подняв взгляд, парнишка заметил Келли, и его развязность уступила место смущению.

Келли напустила на себя тот строгий вид, какой частенько принимала ее мама. Ребята умолкли, отчаянно покраснели и, отвернувшись, принялись разглядывать двери вагона. А Келли с грустью подумала, что, наверное, в свои тридцать выглядит для них очень старой, даже в матери годится. Она попыталась вообразить рядом с собой четырнадцатилетнего подростка. Почти столько было детям некоторых из ее старых школьных приятелей – лента на фейсбуке пестрела фотографиями гордых семейств, да и сами дети пару раз присылали ей заявки на добавление в друзья. Прекрасный способ почувствовать себя старухой.

Келли поймала взгляд стоявшей напротив женщины в красном пальто, которая одобрительно кивнула, оценив произведенный на мальчишек эффект.

Келли ответила ей улыбкой.

– Удачный день?

– Стал лучше, как только закончился, – отозвалась женщина. – Впереди выходные, да?

– Я работаю. До вторника.

«И даже тогда будет всего один день на отдых, а потом еще шесть рабочих подряд», – подумала она и застонала про себя. Женщина выглядела ошеломленной. Келли пожала плечами.

– Кто-то ведь должен, правда?

– Наверное. – Поезд замедлил ход, подъезжая к «Оксфорд-Серкус», и женщина направилась к выходу. – Надеюсь, ваш день пройдет спокойно.

«Вот и сглазили», – подумала Келли и посмотрела на часы. До «Стратфорда» девять остановок: бросить вещи и назад. Дома в восемь. Может, в половину девятого. А обратно опять к семи утра. Она еще раз зевнула, даже не прикрыв ладонью рот. Интересно, дома есть еда?

Келли жила неподалеку от станции «Элефант-энд-Касл» вместе с тремя соседками, чьи полные имена знала лишь благодаря чекам за аренду, которые в конце месяца аккуратно появлялись на доске в холле. Ради лишних денег хозяин квартиры даже гостиную переделал в дополнительную спальню, так что единственной общей зоной оставалась крошечная кухня. Там помещались лишь два стула, но из-за смен и плавающих графиков соседок Келли могла за несколько дней ни с одной из них не повстречаться. В самой большой спальне жила Доун, медсестра. Она была моложе Келли, но гораздо домовитее и порой оставляла рядом с микроволновкой ужин для соседки и записку «Утощайся!» на ярко-розовом стикере.

При мысли о еде у Келли заурчало в животе, она снова взглянула на часы. День выдался куда более напряженным, чем она планировала. На следующей неделе придется взять дополнительную смену, иначе со всеми делами никогда не разобраться.

На «Холборн» в вагон вошла группа бизнесменов. Келли окинула их тренированным взглядом. Поначалу мужчины казались одинаковыми: короткие стрижки, темные костюмы, дипломаты. «Дьявол кроется в деталях», – подумала Келли, отмечая едва заметные полоски на костюмах; название книги, небрежно засунутой в сумку; изогнутые очки в золотистой оправе, зажатые в ладони; кожаный ремешок часов под манжетой белой хлопковой рубашки. Свообразные манеры и нервозность выделяли их в черед почти одинаковых мужчин. Келли наблю-

дала за ними откровенно и бесстрастно. «Просто практикуюсь», – сказала она себе и не смутилась, когда один из бизнесменов встретился с ней взглядом. Келли думала, что мужчина отвернется, однако тот подмигнул, а губы его растянулись в самонадеянной улыбке. Келли скользнула взглядом по его левой руке. Женат. Белый, хорошо сложен, около шести футов ростом, на подбородке легкая тень щетины, которой, вероятно, несколько часов назад еще не было. На подкладке пальто желтой вспышкой мелькает забытая бирка химчистки. Стоит настолько прямо, что можно биться об заклад – в прошлом служил в армии. Внешность не слишком приметная, но Келли узнает его, если встретит снова.

Довольная результатом, она переключилась на новых пассажиров, которые хлынули в двери на станции «Банк» и теперь растекались по вагону, спеша занять последние свободные места. Почти у каждого в руке был телефон: кто-то играл, кто-то слушал музыку или просто сжимал мобильник, точно тот прирос к ладони. В другом конце вагона кто-то поднял смартфон повыше, и Келли инстинктивно отвернулась. Всего лишь туристы. Хотели сфотографировать знаменитую лондонскую подземку, чтобы показать ее дома. Но сама идея стать фоном на снимках чьего-то отпуска казалась Келли слишком странной.

Ныло плечо – она ударилась о стену, неудачно повернув за угол, когда сбежала по эскалатору и помчалась по платформе «Марбл Арч». Опоздала всего на несколько секунд и теперь злилась, что понапрасну заработала синяк. В следующий раз будет проворнее.

Поезд подъехал к «Ливерпуль стрит». Толпа на платформе с нетерпением ожидала, пока откроются двери.

Пульс Келли участился.

Там, среди людей, едва различимый в своей куртке с капюшоном, бейсболке и широких джинсах, стоял Карл. Келли мгновенно его узнала и – как бы отчаянно ни хотелось ей домой – не могла дать ему уйти. Судя по спешке, с которой Карл растворился в толпе, стало ясно, что он заметил Келли на долю секунды раньше и был так же не рад их встрече. Придется действовать быстро.

Едва она выскочила из вагона, двери с шипением захлопнулись. Сперва Келли решила, что упустила Карла, но затем заметила ярдах в десяти от себя знакомую бейсболку. Карл не бежал, но довольно проворно пробирался сквозь толпу пассажиров. Если за последние десять лет подземка и научила Келли чему-то, так это тому, что вежливостью ничего не добьешься.

– Поберегись! – крикнула она, протискиваясь между двумя пожилыми туристами с чемоданами, и рванула вперед. – С дороги!

Утром она уже упустила Карла, заработав при этом ушиб плеча, но второй раз не позволит ему уйти. Келли мельком подумала об ужине, который надеялась застать дома, и прикинула, что смена удлинится по крайней мере часа на два. Но выбора не оставалось. По пути с работы она всегда может перехватить кебаб.

Карл поднимался по эскалатору. «Ошибка новичка», – отметила Келли и бросилась к лестнице. Там и туристов меньше, и не такая нагрузка на голени, как на тряском эскалаторе. И все же, когда Келли поравнялась с Карлом, ее ноги отваливались. Добравшись до верха, парень бросил короткий взгляд через левое плечо, а затем свернул направо. «Черт возьми, Карл, – подумала Келли, – мне уже пора сдавать смену».

Последний рывок, и она настигла его, готового перепрыгнуть через турникет, вцепилась в куртку и заломила руку за спину. Карл без особого энтузиазма попытался вырваться и толкнул ее. Форменный «котелок» слетел на землю. Келли заметила, что его кто-то поднял, и надеялась, что доброжелатель не сбежит со своей добычей. Хватило неприятностей из-за потерянной в потасовке дубинки, без нового выговора от отдела снабжения можно и обойтись.

– На тебя выписан ордер за неявку в суд, приятель, – произнесла Келли, которой никак не удавалось отдышаться в тесном бронежилете, затем потянулась к поясу, расстегнула наручники и ловко защелкнула их на запястьях Карла. – Ты арестован.

* * *

Я тебя вижу. А ты меня – нет. Ты поглощена книгой. На мягкой обложке девушка в красном платье. Не вижу названия, но это не имеет значения – все эти книжки одинаковые. Либо парень встречает девушку, либо парень преследует девушку. И убивает.

Есть в этом ирония.

На следующей остановке, пользуясь потоком пассажиров, я подбираюсь ближе к тебе. Ты цепляешься за поручень в середине вагона, сжимая в свободной руке книгу, и натренированно переворачиваешь страницы большим пальцем. Теперь мы совсем рядом, наши пальцы соприкасаются, и я чувствую ванильную нотку твоих духов. Аромат, который выветривается задолго до того, как ты уходишь с работы. Некоторые женщины в обеденный перерыв исчезают в туалете, чтобы подправить макияж, обновить духи. Но только не ты. Когда я вижу тебя после работы, твои темно-серые тени уже осыпались и следами усталости лежат под нижними веками, а губная помада смазалась о бесчисленные чашки кофе.

Но ты прелестна даже в конце долгого дня. Это очень важно для меня. Дело ведь не всегда в красоте, иногда в необычной внешности, большой груди или длинных ногах. Порой в стиле и элегантности – сшитых на заказ темно-синих брюках и бежевых туфельках, а порой в бесстыдстве и пошлости. Даже распутстве. Важно разнообразие. И самый вкусный стейк наскучит, если заказывать его постоянно.

Твоя сумка больше обычной. Как правило, ты носишь ее на плече, но когда поезд набит до отказа – совсем как сейчас, – ставишь на пол, между ногами. Сумка раскрыта, и я могу заглянуть внутрь. Коричневый кошелек – мягкая телячья кожа и позолоченный замочек. Расческа, между зубцами остались светлые волоски. Свернутая в аккуратный шарик хозяйственная торба. Пара кожаных перчаток. Два или три коричневых конверта – распечатанных и засунутых в сумку вместе с их содержимым. Почту ты прихватила после завтрака с коврика у двери и вскрыла на платформе, пока ждала свой первый поезд. Я вытягиваю шею и читаю надпись на конверте.

Теперь мне известно твое имя.

Не то чтобы это имело значение – для наших с тобой отношений имена не нужны.

Я достаю телефон, провожу вверх по экрану, чтобы включить камеру, затем поворачиваюсь к тебе. Большим и указательным пальцем увеличиваю изображение, пока в кадре не остается лишь твое лицо. Если меня кто-то заметит, то просто решит, что я загружаю пост в инстаграм или твиттер. Хештег «селфи».

Тихий щелчок – и ты моя.

Поезд поворачивает, ты отпускаешь поручень и наклоняешься за сумкой, по-прежнему погруженная в книгу. Тот, кто знает тебя хуже, чем я, решил бы, что ты заметила мой интерес и решила убрать свои вещи подальше. Но это не так. Просто после поворота будет твоя остановка.

Книга полностью захватила тебя. Обычно ты прекращаешь читать гораздо раньше: добираться до конца главы и засовываешь между страницами открытку, которую используешь вместо закладки. Но сегодня ты продолжаешь читать, даже подъехав к станции. Даже протискиваясь к дверям и дюжину раз повторяя «Простите» и «Извините». Даже пока идешь к выходу из метро. И лишь мельком поглядываешь вперед, чтобы ни на кого не наткнуться.

Ты по-прежнему читаешь.

А я по-прежнему слежу за тобой.

3

«Кристал Пэлас» – конечная станция. Если бы не это, я, наверное, так и сидела бы на месте, уставившись на объявление и надеясь понять его смысл. А так я схожу. Последней.

Дождь сменила изморось, но едва я выбираюсь из метро, как газета промокает, и на пальцах остаются следы типографской краски. Уже стемнело, однако Анерли-роуд освещают уличные фонари и неоновые вывески бесконечных забегаловок и салонов сотовой связи. С каждого столба свисают яркие гирлянды, предвещая телевизионные выступления полузабытых знаменитостей в эти выходные. Но для меня этого слишком мало – и слишком рано, – чтобы задуматься о Рождестве.

По дороге домой я разглядываю объявление, не обращая внимания на дождь, из-за которого челка липнет ко лбу. Возможно, на снимке вовсе не я. Возможно, у меня есть двойник. Вряд ли меня выбрали бы для рекламы секса по телефону. Могли бы найти кого-нибудь моложе и привлекательней. Не женщину средних лет с двумя взрослыми детьми и легким жирком на талии. Едва не начинаю смеяться вслух. Я знаю, что вкусы бывают разные, но это уж совсем на редкого любителя.

Между польским супермаркетом и мастерской по изготовлению ключей примостилось кафе Мелиссы. «Одно из ее кафе», – напоминаю себе. Второе находится в переулке Ковент-Гарден. Там завсегдатаи знают: чтобы избежать очереди, нужно заранее позвонить и заказать сэндвичи, а туристы топчутся у дверей, решая, стоит ли им ждать панини. Можно подумать, что заведение в Ковент-Гарден просто станок для печатания денег, а на самом деле оно пять лет бьется за то, чтобы получить хоть какую-то прибыль. А вот здешнее заведение – с облупившимися стенами и сомнительными соседями – настоящая золотая жила. Оно стояло тут задолго до того, как Мелисса его выкупила и повесила над дверью собственную вывеску, и всегда приносило хорошие деньги. Эдакое место для посвященных, которое иногда мелькает в путеводителях. «Лучшие завтраки в Южном Лондоне», – можно прочесть в ксерокопии статьи, прилепленной скотчем к двери.

Некоторое время я стою на противоположной стороне улицы и незаметно наблюдаю за происходящим в кафе. Витрины чуть запотели по краям и напоминают размытые фотографии восьмидесятых. Сквозь центральную видны стойка и бармен, который протирает стеллаж из плексигласа. В фартуке, завязанном не на шее, а на талии – в стиле парижских официантов, – черной футболке и с темными, взъерошенными, словно он только выбрался из постели, волосами парень выглядит слишком крутым для работы в кафе. Красавчик ли он? Знаю, что пристрастна, но считаю, что да.

Водитель автобуса машет рукой, пропуская меня, и я перехожу через дорогу, опасно высматривая велосипедистов. Звякает колокольчик над дверью кафе. Джастин поднимает голову.

– Привет, мам.

– Привет, дорогой. – Я оглядываюсь в поисках Мелиссы. – Ты один?

– Мелисса в Ковент-Гардене. Там управляющая заболела, и меня оставили здесь за главного.

Он говорит об этом небрежно, и я стараюсь отвечать так же, но все же чувствую прилив гордости. Всегда знала, что Джастин – хороший мальчик, ему просто нужно дать шанс проявить себя.

– Если подождешь минут пять, – произносит он, полоская тряпку в стальной мойке, – вместе пойдем домой.

– Я собиралась купить что-нибудь навывнос к ужину. Фритюрницу ты, наверное, уже выключил?

– Только что. Могу снова включить и быстренько нажарить картошки. Еще осталось несколько сосисок. Если не съесть их сегодня, то завтра все равно придется выбрасывать, так что можем забрать, Мелисса возражать не будет.

– Я за них заплачу. – Мне не хочется, чтобы Джастин увлекся своими временными полномочиями.

– Она не будет возражать.

– Я заплачу, – твердо произношу я и достаю кошелек. Затем смотрю в меню на доске и высчитываю стоимость четырех порций сосисок с жареной картошкой. Джастин прав, Мелисса отдала бы их даром, но ее здесь нет, а в нашей семье принято платить за себя.

Чем дальше мы уходим от станции, тем меньше вокруг магазинов и офисов. Их сменяют ряды таунхаусов. В некоторых окна закрыты серыми металлическими ставнями, что означает изъятие за неуплату ипотеки. Двери таких домов разукрашены красными и оранжевыми фейерверками граффити. Наша сторона улицы ничуть не лучше – в третьем от нас доме не хватает черепицы, а окна забиты толстыми листами фанеры. По засоренным водостокам и заляпанным кирпичным стенам можно сразу вычислить съемное жилье. В конце квартала стоят два дома, в которых живут сами владельцы: наш и Мелиссы с Нилом, прямо по соседству, на заветном торце.

Джастин роется в рюкзаке в поисках ключей, а я стою на тротуаре перед оградой, которая огибает то, что громко зовется нашим палисадником. Сквозь мокрый гравий пробиваются сорняки, а единственное украшение – лампа на солнечных батареях в форме старинного фонаря – тускло мерцает желтым светом.

Сад Мелиссы тоже посыпан гравием, но сорняков там не видно, а по обе стороны от входной двери стоят два ухоженных самшита, подстриженных в форме спиралей. Кусок кирпичной кладки под окном гостиной чуть светлее остальной стены – там Нил оттирал граффити. В Южном Лондоне все еще находятся узколюбые противники смешанных браков.

Шторы в нашей гостиной никто не потрудился задернуть, и я вижу, как Кэти красит ногти за обеденным столом. Раньше я настаивала, чтобы мы все вместе за ним ужинали. Мне нравилось навестывать с детьми то время, которое они проводили в школе. Сразу после переезда это была единственная возможность почувствовать, что нам и без Мэтта хорошо. Только мы втроем, маленькой семьей садимся за стол в шесть вечера.

Сквозь оконное стекло, покрытое вездесущей грязью, которая непременно появляется, если живешь возле оживленной дороги, я замечаю, что ради маникюрного набора Кэти сдвинула в сторону журналы, стопку счетов и корзину для грязного белья. Последняя неведомым образом обосновалась на столе, словно тот для нее – естественная среда обитания. Иногда я разгребаю бардак, чтобы вся семья могла собраться на воскресный ужин, но довольно скоро неспешный прилив из бумаг и забытых пакетов выталкивает нас к телевизору, перед которым мы и едим, поставив тарелки прямо на колени.

Джастин открывает дверь, а я вспоминаю те времена, когда дети были маленькими и мчались встречать меня, будто их мама пропала несколько месяцев, а не восемь часов раскладывала товар в «Теско». Потом они подросли, и мне пришлось обратиться за помощью к соседям. К счастью, Мелисса согласилась присматривать за детьми после школы. Они, конечно, считали себя слишком взрослыми для подобного, но втайне им нравилось.

– Привет-привет! – окликаю я.

Из кухни появляется Саймон, протягивает мне бокал вина и целует в губы. Его рука скользит по моей талии и притягивает ближе. Я вручаю ему пакет из кафе Мелиссы.

– Эй, снимите себе номер. – Кэти выходит из гостиной, подняв вверх ладони и растопырив пальцы. – Что у нас к чаю?

Саймон отпускает меня и уносит пакет на кухню.

– Сосиски с жареной картошкой.

Она морщит нос, и я заранее прерываю поток стонов о лишних калориях:

– В холодильнике есть латук, можешь нарезать себе салат.

– Это тебя не спасет от толстых лодыжек, – говорит Джастин и после безуспешной попытки увернуться от тычка сестры убегает вверх по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки.

– Повзрослейте уже.

Кэти девятнадцать, у нее восьмой размер одежды и ни намека на детскую пухлость, которая была всего несколько лет назад. С лодыжками тоже все в порядке. Я тянусь ее обнять, но вспоминаю о накрашенных ногтях и просто целую в щеку.

– Прости, дорогая, но я без сил. Случайный перекус тебе ведь не повредит, верно? Если в меру.

– Как прошел день, милая? – спрашивает Саймон.

Он идет за мной в гостиную, я падаю на диван, на мгновение закрываю глаза и расслабленно выдыхаю.

– Нормально. Вот только Грэхем заставил меня разбирать документацию.

– Это не твоя работа, – замечает Кэти.

– Как и мыть уборную, но угадай, что он вчера заставил меня сделать?

– Фу. Этот тип просто козел.

– Ты не должна с этим мириться. – Саймон садится рядом со мной. – Нужно пожаловаться.

– Кому? Это его фирма.

Грэхем Хэллоу принадлежит к той породе людей, которые тешат свое самолюбие, принижая окружающих. Я это знаю и не обращаю внимания. По большей части.

Чтобы сменить тему разговора, беру «Лондон Газетт» с кофейного столика, на который ее бросила. Страницы все еще влажные, и часть текста расплылась, но я складываю газету пополам и показываю рекламу секса по телефону и эскорт-услуг.

– Мам! Это-то тебе зачем? – со смехом спрашивает Кэти.

Она заканчивает наносить на ногти слой геля, аккуратно закручивает крышечку и возвращается к столу, чтобы сунуть руки под ультрафиолетовую лампу для просушки.

– Может, она решила сменить Саймона на модель поновее, – произносит Джастин, входя в гостиную.

Сын сменил рабочие джинсы и черную футболку на серые спортивные штаны и толстовку. Обуваться не стал. В одной руке у него телефон, в другой – тарелка с сосисками и картошкой.

– Не смешно, – отзывается Саймон и берет у меня газету. – А если серьезно, зачем ты разглядываешь объявления «Разговоров для взрослых»?

Он хмурит брови, по его лицу пробегает тень. Я замечаю это и сверлю Джастина взглядом. Саймон старше меня на четырнадцать лет, хотя иногда я смотрю в зеркало и думаю, что уже догоняю его. Вокруг глаз залегли морщинки, которых у меня не было в тридцать, да и кожа на шее начала увядать. Я никогда не обращала внимания на нашу разницу в возрасте, но Саймон довольно часто о ней упоминает. И, знаю, беспокоится по этому поводу. Джастину тоже об этом известно, и он пользуется любой возможностью вставить шпильку. Даже не знаю, кого пытается вывести из себя – Саймона или меня.

– Вам не кажется, что она похожа на меня?

Я тыкаю в объявление под рекламой «взрослых» услуг Ангела. Джастин наклоняется над плечом Саймона, а Кэти вытаскивает руки из ультрафиолетовой лампы, чтобы рассмотреть снимок получше. Секунду мы молча разглядываем фото.

– Нет, – говорит Джастин.

– Немного, – одновременно с ним отвечает Кэти.

– Ты носишь очки, мама.

– Не всегда, – замечаю я. – Иногда вставляю контактные линзы.

Хотя и не могу вспомнить, когда это было в последний раз. Очки меня никогда не напрягали, а та пара, которую сейчас ношу, – в толстой черной оправе – придает мне такой вдумчивый вид, о каком в школе можно было только мечтать.

– Возможно, кто-то решил тебя разыграть? – предполагает Саймон. – Нашел сайт и зарегистрировал в службе знакомств смеха ради.

– И кто же мог что-то подобное проделать?

Я смотрю на детей. Замечу ли, если они начнут перемигиваться? Но Кэти выглядит такой же смущенной, как и я, а Джастин вернулся к своей картошке.

– Ты звонила по этому номеру? – спрашивает Саймон.

– За полтора фунта в минуту? Шутишь, что ли?

– Так это все-таки ты? – говорит Кэти. Глаза у нее озорные. – Ну, знаешь, решила подзаработать на карманные расходы. Давай, мам, нам-то можешь признаться.

Тревога, которая поселилась во мне с того момента, когда я впервые увидела объявление, начинает утихать. Меня разбирает смех.

– Не уверена, что за меня станут платить полтора фунта в минуту, дорогая. Но ведь действительно похожа, да? Так перепугала.

Саймон достает из кармана мобильник и пожимает плечами.

– Готов поспорить, кто-то что-то замыслил на твой день рождения.

Он включает громкую связь и набирает номер. Вот ведь нелепая картина: мы все столпились вокруг «Лондон Газетт» и звоним в секс по телефону.

– Набранный вами номер не существует.

Тут я понимаю, что старалась не дышать.

– Ну вот и все. – Саймон протягивает мне газету.

– Но что там делает моя фотография? – упорствую я.

День рождения у меня не скоро, и не думаю, что кому-нибудь покажется забавным зарегистрировать меня в службе знакомств. Мне приходит на ум, что этот «кто-нибудь» может недолюбливать Саймона. И хотеть нас рассорить. Кто же это? Мэтт? Я отмечаю эту идею так же быстро, как она появляется.

Невольно сжимаю плечо Саймона, хотя тот и не подает вида, что реклама его встревожила.

– Мам, да не похожа она на тебя. Это какая-то старая курица с отросшими корнями, – произносит Джастин.

В каком-то смысле это комплимент, я думаю.

– Джас прав, мам. – Кэти снова смотрит на объявление. – Она немножко похожа на тебя, но многие люди на кого-то похожи. У меня на работе есть девушка – вылитая Адель.

– Ну, наверное.

Я бросаю последний взгляд на страницу. Женщина на фотографии не смотрит прямо в камеру, и разрешение у снимка ужасное. Удивительно, как его вообще решили использовать в рекламе. Я протягиваю газету Кэти.

– Милая, сунь ее в мусорное ведро, когда пойдешь за ужином для остальных.

– Мои ногти! – возмущается она.

– Мои ноги, – парирую я.

– Я принесу. – Джастин переставляет свою тарелку на кофейный столик и встает. Мы с Саймоном обмениваемся удивленными взглядами, а сын закатывает глаза: – Что? Можно подумать, я никогда не помогал по дому.

Саймон коротко ухмыляется:

– Это о чем сейчас речь?

– Да пошел ты, Саймон. Сам иди за своей едой.

– Прекратите оба, – рявкаю я. – Господи, иногда трудно понять: кто ребенок, а кто родитель.

– В том-то и дело, что он мне не... – начинает Джастин, но замолкает, увидев выражение моего лица.

Мы ужинаем перед телевизором и препираемся из-за пульта. Я ловлю взгляд Саймона. Он подмигивает мне: интимный момент среди хаоса жизни с двумя взрослыми детьми.

Когда на тарелках остаются лишь блестящие пятна масла, Кэти надевает пальто.

– Ты собралась уходить? – произношу я. – Уже девять часов.

Она испепеляет меня взглядом.

– Это же вечер пятницы, мам.

– И куда ты направляешься?

– В центр. – Она замечает выражение моего лица. – Я поеду с Софией. На такси. Никакой разницы с возвращением после поздней смены.

Мне хочется сказать Кэти, что разница все-таки есть. Что черная юбка и белый топ, которые носят официантки на ее работе, не настолько вызывающие, как облегающее платье, надетое на ней сейчас. Что собранные в хвост светлые волосы делают ее лицо юным и невинным, а взъерошенная прическа придает ей излишнюю сексуальность. Что на ней слишком много косметики. Что каблуки слишком высокие, а ногти слишком красные.

Но я, разумеется, ничего не говорю. Мне самой когда-то было девятнадцать, и я достаточно долго была мамой, чтобы понимать, когда свои мысли лучше оставить при себе.

– Хорошо вам провести вечер. – И, не удержавшись, добавляю: – Будьте осторожны. Держитесь вместе. И много не пейте.

Кэти целует меня в лоб, а затем оборачивается к Саймону.

– Пообщайтесь наедине, ладно? – Она кивает в мою сторону, а затем улыбается, подмигивает мне, выходит за дверь и кричит уже из холла: – Ведите себя хорошо. А если не можете хорошо, то хотя бы осторожно!

– Беспокоюсь о ней, – произношу я, когда Кэти уходит. – Ничего не могу поделать.

– Знаю, но у нее есть голова на плечах. – Саймон сжимает мое колено. – Вся в маму. – Он смотрит на Джастина, который развалился на диване и уткнулся в телефон. – А ты никуда не собираешься?

– На мели, – отвечает тот, не отрывая взгляда от крошечного экрана.

Я вижу белые и голубые квадратики сообщений, но текст слишком мелкий, чтобы прочесть с моего места. Между спортивными штанами и толстовкой сына торчит полоска красных боксеров, капюшон поднят, хотя Джастин не на улице.

– Разве Мелисса не по пятницам тебе платит?

– Она сказала, что занесет деньги на выходных.

Джастин приступил к работе в кафе в начале лета, когда я уже потеряла надежду на то, что он найдет себе какое-нибудь место. У него была пара собеседований – в музыкальном магазине и в обувном, – но едва всплывала история про его судимость за мелкую кражу, все заканчивалось.

– Это можно понять, – говорил мне тогда Саймон. – Ни один наниматель не захочет рисковать и брать на работу человека, который способен запустить руку в кассу.

– Ему было четырнадцать! – вступалась я за сына. – Его родители развелись, а ему самому пришлось сменить школу. Едва ли похоже на портрет закоренелого преступника.

– И тем не менее.

Я оставила эти разговоры. Не хотелось спорить с Саймоном. По бумагам Джастин числился безработным, но если бы вы его знали... Пришлось пойти на поклон к Мелиссе.

– Доставка, – предположила я. – Раздача флаеров. Что угодно.

Джастин никогда не был прилежным. Не любил читать, в отличие от других детей подготовительного класса. До восьми лет даже алфавита не знал. Со временем заставлять его ходить в школу становилось все труднее – подземные переходы и торговые центры привлекали Джастина сильнее, чем уроки. Он окончил школу с аттестатом, в котором был только курс программирования, и предупреждением за кражу в магазине. К тому времени учителя уже поняли, что у него дислексия, но было слишком поздно что-то предпринимать.

Мелисса задумчиво смотрела на меня. Я даже подумала, что переступила границу и поставила ее в неловкое положение.

– Пусть работает в кафе.

Мне было слов не найти. Простого «спасибо» казалось недостаточным.

– За минимальную плату, – поспешно добавила она, – и с испытательным сроком. С понедельника по пятницу, поочередно ранние и поздние смены. Иногда будет прикрывать меня в выходные.

– Я твоя должница.

Мелисса отмахнулась:

– А для чего еще нужны друзья?

– Раз уж у тебя теперь есть работа, может быть, начнешь платить маме за жилье? – произносит Саймон.

Я пронзаю его взглядом. Саймон никогда не вмешивался в воспитание. Нам даже обсуждать это пришлось – когда я встретила Саймона, Джастину уже исполнилось восемнадцать, а Кэти четырнадцать. Они были почти взрослыми, пусть иногда и вели себя иначе. Им не нужен был новый папа, и, к счастью, Саймон никогда не пытался таковым стать.

– Ты же не просишь арендную плату с Кэти.

– Она младше. Тебе двадцать два, Джастин, ты уже достаточно взрослый, чтобы рассчитывать на самого себя.

Джастин взмахивает ногами и встает одним плавным движением.

– А ты оборзел. Может, сначала сам заплатишь за жилье, а потом начнешь мне указывать?

Как же я это ненавижу. Два моих любимых мужчины готовы вцепиться друг другу в глотки.

– Джастин, не говори с Саймоном в подобном тоне. – Я неосознанно выбираю сторону, но едва слова срываются с губ, вижу взгляд Джастина. Я словно предала его. – Он всего лишь предложил. А я ничего у тебя не прошу.

И не попрошу. Плевать, если люди сочтут это мягкотелостью. Буду стоять на своем. Я могла бы брать с Джастина символическую плату за жилье и еду, но даже так у него почти ничего не оставалось бы. И как ему жить? Не говоря о том, как ему откладывать что-то на будущее. Я была моложе Кэти, когда ушла из дома, не имея ничего, кроме чемоданчика с одеждой, беременности и звенящих в ушах упреков моих разочарованных родителей. Для своих детей я хочу большего.

Саймон не дает ссоре улечься.

– Ты ищешь работу? Кафе – это прекрасно, но если хочешь купить машину, обзавестись собственным домом, то тебе придется зарабатывать больше, чем может платить Мелисса.

Не понимаю, что на него нашло. Мы не богаты, но вполне обеспечены. Нам не нужно брать деньги у детей.

– Отец пообещал одолжить мне денег на машину, как только я сдам на права.

Я чувствую, что Саймон напрягается. Как и всякий раз, когда речь заходит о Мэтте. Временами такая реакция раздражает, но чаще вызывает во мне прилив нежности. Вряд ли Мэтту

хоть раз приходило в голову, что кто-то другой может посчитать меня привлекательной. А Саймону я настолько небезразлична, что он даже ревнует. И мне это нравится.

– Очень мило со стороны отца, – торопливо вмешиваюсь я. Привязанность к Джастину заставляет сказать что-нибудь – все что угодно – в его поддержку. – Может быть, однажды ты получишь лицензию таксиста.

– Мам, я не собираюсь всю оставшуюся жизнь водить такси.

Когда Джастин был маленьким, мы с ним были очень близки, но он так и не простил меня за развод с Мэттом. Думаю, будь сыну известна вся картина, он бы понял, но мне не хотелось, чтобы дети плохо думали о своем отце. Не хотелось, чтобы им стало так же больно, как мне.

Женщина, с которой спал Мэтт, была младше меня и старше Кэти. Четко между нами. Все-таки забавные мелочи застревают в памяти. Я никогда ее не видела, но мучительно представляла, как она выглядит, как руки моего мужа гладят ее молодое, лишенное растяжек двадцатитрехлетнее тело.

– Нищим выбирать не приходится, – говорит Саймон. – Это честная работа.

Я смотрю на него с удивлением. В прошлом он охотно критиковал Мэтта за отсутствие честолюбия. Неприятно слышать, что Саймон считает ту самую работу, которую называл «тупиком» – я же помню, – вполне подходящей для моего сына. Мэтт учился на инженера. Все изменилось, когда я поняла, что моя задержка может означать лишь одно. Мэтт бросил колледж и в тот же день устроился рабочим на местную стройку. Правда, платили там вполне достойно. Мы поженились, он получил лицензию таксиста, и его родители в качестве свадебного подарка дали денег на первую машину.

– Пока и кафе неплохо, – говорю я. – А подходящее дело еще подвернется, я уверена.

Джастин неопределенно хмыкает, выходит из комнаты и поднимается к себе. Я слышу скрип кровати – сын принял свою любимую позу: на спине, чуть приподняв голову, чтобы видеть экран ноутбука.

– Такими темпами он и в тридцать будет здесь жить.

– Я просто хочу, чтобы он был счастлив, вот и все.

– Он счастлив, – отвечает Саймон. – Счастлив тем, что сидит у тебя на шее.

Я проглатываю то, что хочу сказать. Это прозвучало бы несправедливо. Ведь сама решила, что Саймон не будет платить за жилье. Мы даже спорили об этом, но я не уступила. Мы делим расходы на еду и оплату счетов, Саймон балует меня походами в рестораны и путешествиями. И детей тоже. Он щедрый до крайности. У нас общий банковский счет, и мы никогда не беспокоились о том, кто за что платит.

Но дом принадлежит мне.

Когда мы с Мэттом поженились, с деньгами было туго: он работал по ночам, а я – с восьми до четырех в «Теско». Так и жили, пока Джастин не пошел в школу. К тому времени, как появилась Кэти, стало полегче. У Мэтта было столько работы, что он не успевал со всем справляться, постепенно мы даже стали позволять себе кое-какие излишества. Походы в кафе, летние отпуска.

Потом мы с Мэттом расстались, и мне пришлось все начинать сначала. Ни один из нас не мог позволить себе содержание дома. Прошли годы, прежде чем я скопила нужную для закладной сумму. И поклялась, что больше никогда не свяжу свою судьбу с мужчиной.

Заметьте, поклялась, что никогда не влюблюсь, и поглядите, что из этого вышло.

Саймон целует меня, его рука прихватывает мой подбородок, а затем скользит по затылку. Даже сейчас, в конце долгого дня, от Саймона пахнет чистотой – лосьоном и пеной для бритья. По моему телу разливается знакомое тепло, когда он наматывает на пальцы мои волосы и нежно тянет вниз, приподнимая подбородок и открывая шею для поцелуя.

– Ляжем пораньше? – шепчет он.

– Сейчас поднимусь.

Я собираю тарелки, отношу их на кухню и загружаю в посудомоечную машину. Бросаю в мусорное ведро прихваченную по пути «Лондон Газетт», женщина с объявления продолжает смотреть на меня и оттуда. Выключаю свет на кухне и качаю головой, удивляясь собственной глупости. Ну конечно, это не я. Что моей фотографии делать в газете?

4

Келли стянула с запястья резинку и собрала волосы в хвост. Тот вышел совсем коротеньким – печальные последствия двухнедельной жары в августе. Тогда идея избавиться от тяжелой копны казалась вполне разумной. А ведь у Келли со студенческих лет волосы были до пояса. Две темные прядки немедленно выбились из-под резинки.

На оформление Карла Бейлиса ушло в конечном итоге два часа – выяснилось, что его разыскивают не только за неявку в суд, но и за несколько обвинений в кражах.

Келли зевнула. Голода она почти уже не ощущала, но на всякий случай заглянула на кухню. Пусто. Как ни крути, стоило заскочить за тем кебабом. Келли поджарила несколько тостов и понесла их на первый этаж, в свою спальню – просторную квадратную комнату с высокими потолками и выкрашенными белой краской карнизами. Остальную часть стен Келли покрасила в бледно-серый цвет, а выдавший виды ковролин прикрыла двумя огромными коврами, которые купила на аукционе. Прочая обстановка – кровать, письменный стол, красное кресло, в котором сейчас сидела хозяйка комнаты, – была сплошь из «Икеи». Современные линии контрастировали с изгибом эркера, в котором располагалась кровать.

Келли пролистала номер «Метро», прихваченный по пути домой. Многие ее коллеги никогда не заглядывали в местную прессу – «Этих подонков и на работе хватает», «Не хочу тащить их домой», – но любопытство Келли было просто ненасытным. На экране ее айфона без конца крутились сводки последних новостей, а когда она навещала родителей, которые, выйдя на пенсию, перебрались из Лондона в Кент, с удовольствием просматривала сельский вестник с его обращениями к членам попечительского совета и жалобами на мусор и собак. Она нашла то, что искала, на пятой странице. Статья занимала целый разворот и шла под заголовком «Взлет преступности в метро»:

«Рекордный рост числа сообщений о преступлениях сексуального характера, нападениях и кражах в транспорте вынудил городские власти приступить к расследованию подобных случаев».

В первом абзаце приводилась пугающая статистика. «После такого вообще перестанешь в метро ездить», – подумала Келли. Далее авторы статьи переходили к примерам, которые иллюстрировали наиболее распространенные виды преступлений в оживленной транспортной сети Лондона. Келли скользнула взглядом по разделу о нападениях, где была фотография молодого парня с довольно приметным символом, выбритым на виске. Правый глаз подростка едва виднелся из-под черно-фиолетового синяка, обезобразившего его лицо.

«Нападение на Кайла Мэтьюза было жестоким и ничем не мотивированным», – гласила подпись. «Очень сомневаюсь», – подумала Келли. Она, разумеется, не была знакома с Кайлом, но узнала выбритый символ, а «немотивированное нападение» – не тот термин, который обычно ассоциируется с теми, кто его носит. И все же она считала, что и для этого парня существует презумпция невиновности.

Снимок в разделе о сексуальных домогательствах был затемнен, профиль женщины на нем едва угадывался. Подпись предупреждала, что фото стоковое, а все имена изменены.

Неожиданно у Келли в памяти всплыла другая статья: иной город, иная женщина и такой же заголовок.

С трудом сглотнув, она перешла к последнему разделу и заулыбалась, глядя на вытянувшееся лицо женщины на снимке.

Кейт Тэннинг спросила тогда у фотографа: «Вы ведь не заставите меня изображать грусть в стиле “Дейли Мейл”?»

«Нет, конечно, – весело ответил тот. – Я заставлю вас изобразить грусть в стиле “Метро”. С легким оттенком гнева. Положите сумочку на колени и постарайтесь выглядеть так, будто пришли домой и застали мужа в постели с мойщиком окон».

Сотрудник пресс-службы Британской транспортной полиции не смог присутствовать, поэтому Келли вызвалась остаться с Кейт на интервью, на которое та охотно согласилась.

«Вы так мне помогли, – сказала она Келли. – И это меньшее, чем я могу вас отблагодарить».

«Приберегите похвалы до того момента, когда мы поймем типа, укравшего ваши ключи», – ответила Келли, думая про себя, что шансы на такой исход очень невелики. Ее прикомандировали к транспортной полиции на месяц, и срок уже подходил к концу, когда подвернулось это дело. Келли немедленно за него ухватилась.

«Я сама виновата, – произнесла Кейт Тэннинг, едва Келли представилась. – Много работаю, а до дома ехать так долго, что слишком заманчиво вздремнуть по дороге. В голову не приходило, что кто-то этим воспользуется».

Келли подумала, что Кейт еще легко отделалась. Пока она спала, прислонившись к стенке вагона, преступник рылся в ее сумке, но не нашел ни кошелька, который был в застегнутом на молнию кармашке, ни телефона, засунутого в другой кармашек. И ограничился тем, что вытащил ключи.

«Это не ваша вина, – успокоила ее Келли. – Вы имеете полное право немного поспать по пути домой».

Она заполнила рапорт, изъяла записи с камер видеонаблюдения, а чуть позже, отвечая на звонок из пресс-службы, предложила Кейт в качестве «лица с обложки» для статьи о преступлениях в подземке. Келли отыскала там и собственный комментарий и заметила, что ее назвали не констеблем, а детективом-констеблем. Кое-кого на работе это разозлило бы.

«Кейт – всего лишь одна из сотен жителей пригородов и туристов, которые ежегодно становятся жертвами карманных краж. Мы настоятельно призываем пассажиров быть крайне бдительными и в любой подозрительной ситуации обращаться к сотрудникам транспортной полиции».

Келли аккуратно вырезала статью для Кейт и отправила ей смс с благодарностью за помощь. Служебный телефон остался в шкафчике на работе, но она дала Кейт номер личного мобильного, на случай, если той понадобится с ней связаться.

Наполовину переодевшись в гражданское – флисовая толстовка поверх форменной рубашки, но без галстука и погон, – Келли нагнулась, чтобы расшнуровать ботинки. Старые школьные приятели собирались пойти выпить и звали ее с собой, но она встала сегодня в пять утра, да и оставаться трезвой в пятницу вечером – удовольствия мало. «Тосты, “Нетфликс”, чай и постель, – подумала Келли. – Рок-н-ролл».

Зазвонил телефон, и она просияла, увидев на экране имя сестры.

– Привет! Как дела? Не разговаривала с тобой целую вечность!

– Извини, ты же знаешь, как бывает. Слушай, я нашла для мамы идеальный рождественский подарок, но он стоит чуть дороже, чем мы обычно тратим. Не хочешь к нам присоединиться?

– Конечно, хочу. А что там?

Келли сбросила один ботинок, затем второй, вполуха слушая описание вазы, которую ее сестра-близняшка увидела на ярмарке ремесел. Стояла середина ноября, до Рождества было еще несколько недель. Келли подозревала, что родилась без гена шопоголика. Она постоянно тянула до последней минуты и втайне наслаждалась лихорадочной атмосферой торговых центров в канун праздников, когда измученные мужчины принимались в панике скупать дорогие духи и нижнее белье.

– Как мальчишки? – перебила она, когда стало ясно, что Лекси уже собралась намекать на подарки остальным членам семьи.

– Замечательно. Конечно, половину времени сплошная головная боль, но вообще – замечательно. Альфи великолепно освоился в школе, а Фергюс неплохо проводит время в детском саду, судя по тому, в каком виде оттуда приходит.

Келли рассмеялась:

– Скучаю по ним.

Лекси и ее муж, Стюарт, жили совсем недалеко – в Сент-Олбансе, но видиться с ними так часто, как хотелось бы, не получалось.

– Так приезжай!

– Приеду, обещаю. Как только появится свободное время. Проверю свое расписание и сброшу тебе несколько дат. Может, в одно из воскресений заскочу на обед? – Лекси готовила выдающееся жаркое. – Думаю, в начале декабря выпадут сдвоенные выходные. Если ты, конечно, не против приютить меня на своем диване.

– Прекрасно. Мальчишки любят, когда ты остаешься с ночевкой. Только не первого числа – мне нужно на встречу выпускников.

Едва заметное колебание и нарочито небрежный тон Лекси подсказали Келли, что за встреча и где она состоится.

– В Дарем?

На другом конце воцарилась тишина, и Келли представила, как сестра кивает, выпятив подбородок в предчувствии ссоры.

– Выпуск две тысячи пятого, – весело произнесла Лекси. – Сомневаюсь, что хотя бы половину узнаю. Правда, я по-прежнему поддерживаю связь с Эбби и Дэном и время от времени вижу Моши. Поверить не могу, что уже десять лет прошло, по ощущениям не больше десяти минут. Заметь...

– Лекси!

Сестра замолчала, а Келли попыталась подобрать нужные слова.

– Ты уверена, что затея хорошая? Разве это... – Она прищурилась, жалея, что не разговаривает с сестрой лицом к лицу. – ... Не всколыхнет всё?

В ожидании ответа Келли подалась вперед, прикоснулась к кулону – половинке сердца – на серебряной цепочке. Интересно, носит ли Лекси свой? Они купили подвески перед осенним отъездом в университеты. Келли – в Брайтонский, а Лекси – в Даремский. Впервые с рождения им предстояло расстаться больше чем на одну-две ночи.

Лекси наконец ответила, и тон ее голоса был таким же сдержанным, каким она обычно разговаривала с сестрой:

– Ничего это не всколыхнет, Келли. Что случилось, то случилось. Я не могу изменить прошлого, но оно не должно меня определять.

Лекси всегда была спокойней и разумней. Внешне сестры были одинаковыми, но никто никогда их не путал. Решительные подбородки, тонкие носы и темно-карие глаза близняшек действительно были очень похожи, но Лекси при этом выглядела расслабленной и добродушной, а Келли казалась напряженной и вспыльчивой. В детстве они много раз пытались поменяться местами, но так и не сумели одурачить тех, кто их знал.

– Почему бы мне не отметить то хорошее, что было в университете? – продолжала Лекси. – Почему я не могу пройтись по кампусу, как другие, вспомнить вечеринки, лекции, глупые розыгрыши, которые устраивали мы с друзьями?

– Но...

– Нет, Келли. Если бы после произошедшего я ушла – сменила университет, как хотели вы с мамой, – то он бы победил. А если, боясь воспоминаний, я не поеду на встречу выпускников, что ж, значит, он все-таки победит.

В этот момент Келли осознала, что ее трясет. Она опустила ноги на пол, наклонилась вперед и прижалась предплечьями к коленям, стараясь унять дрожь.

– По-моему, ты сошла с ума. Я бы к этому месту и близко не подошла.

– Но ведь ты – не я. – Лекси резко выдохнула, даже не пытаясь скрыть досаду. – Можно подумать, все это случилось не со мной, а с тобой.

Келли промолчала. Как она могла объяснить Лекси, что именно так себя и ощущала, и не дать понять, что в некотором смысле их травмы равны? Келли вспомнила лекцию в полицейской академии, которую читал кто-то из Охраны труда. Они тогда изучали столкновение на М25: десятки раненых, шестеро погибших. И кто же получил ПТР? Инструктор хотел, чтобы курсанты сами догадались кто. Патрульные, первыми прибывшие на место аварии? Сержант дорожной полиции, которому пришлось утешать мать двоих погибших детей? Водитель грузовика, чья рассеянность привела катастрофе?

Нет.

Посттравматическое расстройство заработал офицер полиции, который даже не был на службе. В выходной он отправился на пробежку, оказался на мосту над автострадой, стал свидетелем происшествия, позвонил в диспетчерскую и передал важную информацию, но все же был бессилён остановить трагедию, которая разворачивалась внизу. Вот у кого развилось ПТР. Вот кто винил себя за то, что не мог сделать большего. Вот кто в конце концов потерял здоровье, ушел в отставку и стал затворником. Свидетель.

– Прости, – произнесла Келли вместо всего этого и услышала вздох Лекси.

– Всё в порядке.

Они обе понимали, что ничего не в порядке, но не хотели ссориться. В следующем разговоре Лекси поделится планами на Рождество, а Келли расскажет, какая у нее замечательная работа.

И обе станут делать вид, что всё замечательно.

Как и последние десять лет.

– Как дела на службе? – спросила Лекси, словно прочитав мысли Келли.

– Нормально. Всё по-старому, знаешь. – Она старалась говорить бодро, но Лекси это не обмануло.

– Ох, Кел, тебе нужна новая высота. Ты не думала снова подать заявление в спецподразделение? Не могут же там вечно на тебя злиться.

Келли была не так в этом уверена. Ее уход четыре года назад из отдела по борьбе с сексуальными преступлениями стал стремительным и неприглядным. Она провела девять месяцев на больничном, а когда вернулась, ей предложили начать с «чистого листа», хотя на самом деле новое назначение было наказанием. Келли с головой ушла в работу, быстро стала одной из самых уважаемых в местном отделении офицеров, перед самой собой притворялась патрульной до мозга костей, но каждый день мечтала снова заняться серьезными расследованиями.

– Нынешнее назначение должно помочь, – не унималась Лекси. – Теперь начальство, конечно, поймет, что ты больше не... – Она резко умолкла, явно не зная, как обозначить время, проведенное Келли на больничном, когда у той не хватало сил выйти из дома и не покрыться потом.

– Мне и так хорошо, – коротко ответила Келли. – Нужно идти – кто-то у двери стоит.

– Обещаешь приехать к нам поскорее?

– Обещаю. Люблю тебя, сестренка.

– И я тебя люблю.

Положив трубку, Келли вздохнула.

Ее так обрадовало это трехмесячное направление в отдел по борьбе с карманными кражами, который разбирался с бесчисленными ворами лондонской подземки. И дело было даже не в том, что она могла ходить в штатском, – хотя после четырех лет ношения формы это

было приятно, – а в ощущении реальности перемен. Она чувствовала, что волна преступности, затронувшая многих в городе, пошла на спад. С тех пор как Келли приступила к работе в БТП, появлялись все новые и новые спецподразделения. Они и расследовали серьезные преступления. Патрульным оставались лишь нарушения порядка и антиобщественное поведение. Келли всего неделю назад вновь надела форму, а хватать за шиворот ей приходилось, если не считать Карла Бейлиса, лишь подростков, залезавших с ногами на сиденья, и обычных пятничных выпивох, которые рвались через турникеты, наполняя воздух парами алкоголя.

Готова ли она вернуться в спецотряд? Келли считала, что да, но когда обсудила эту идею со своим инспектором, то ответ получила короткий и по существу: «У людей на этой работе долгая память. Твое возвращение считают слишком рискованным».

В качестве утешительного приза он прикрепил ее к отделу по борьбе с карманниками: уже не патрулирование, но еще не такая сильная эмоциональная вовлеченность. Рассчитывал этим ее успокоить, но только лишний раз напомнил о том, что Келли потеряла.

Лекси права: нужно двигаться дальше.

5

Кэти редко можно увидеть раньше полудня: по вечерам в ресторане на чай дают охотнее, чем в обед, да и в выходные она рано не ложится. Но вчера поднялась к себе еще до десяти, и, когда я заглянула к ней по пути в спальню (от старых привычек трудно избавиться), дочь уже крепко спала. И вот сейчас я лежу в постели, пытаюсь проникнуться дождливым утром понедельника, когда раздается вой и стук бойлера. А я-то надеялась, что в выходные мне просто почудилось.

– Сломался.

Саймон издает звук, который можно принять за согласие, протягивает под одеялом руку и подтаскивает меня ближе. Я вырываюсь.

– На работу опоздаем. Мне придется вызвать кого-нибудь взглянуть на бойлер, с ним определенно не всё в порядке.

– Это будет стоить целое состояние. Ты же знаешь водопроводчиков: еще порог не переступили, а уже выставляют счет на сто фунтов.

– Ну, сама-то я его не починю, а ты... – Я замолкаю, бросая на Саймона многозначительный взгляд.

– Эй, не так уж я и безнадежен! – Он щекочет меня, и я визжу.

Чудовищная криворукость Саймона может сравниться лишь с моей собственной. В свое время мы с Мэттом купили дом, изъятый за неуплату долгов, – иначе никогда не смогли бы его себе позволить, – и план был такой: все делаем вместе. Но, после того как я во второй раз просверлила водопроводную трубу, мне пришлось уступить и согласиться держаться подальше от инструментов. Ремонт по дому перешел в разряд «мужских» дел, как вынос мусора и копание под капотом автомобиля. Живя втроем с детьми, я привыкла все чинить сама, но полочка в ванной трижды падала, а шкаф в комнате Кэти шатался самым очевидным образом. В вопросах ремонта Саймон оказался таким же неумехой, как и я, что втайне меня разочаровало.

– Какой смысл один бойлер чинить? – произносит он. – Всю ванную нужно переделывать.

– Ну, в ближайшее время этого не случится, – отвечаю я, думая о рождественских подарках, которые скоро лягут на мою кредитку тяжким бременем. – Нам нужно починить душ, а с остальным смириться. – Я уютно устраиваюсь под одеялом, чувствуя, как теплое тело Саймона обволакивает меня, и одним глазом посматриваю на часы.

– Пустая трата денег. – Саймон резко сбрасывает одеяло, и нас обоих обдает порывом холодного воздуха.

Я удивленно сажусь в постели.

– С каких пор ты беспокоишься о деньгах?

Именно я слежу за нашими тратами. Это у меня в крови. А вот Саймон обращается с деньгами очень небрежно, словно человек, который никогда не оказывался на мели.

– Прости, – говорит он, смущенно пожимая плечами. – Не с той ноги встал. Просто стыдно латать то, что нуждается в серьезной починке. А что если взять кредит на полный ремонт?

Я воображаю ванную комнату своей мечты: хромированную, с белой плиткой, как в том парижском отеле, куда Саймон отвез меня в нашу первую годовщину.

– Мы не можем себе этого позволить, ведь скоро Рождество.

– Я заплачу, – произносит Саймон и, судя по взгляду, немедленно начинает сожалеть о своем безрассудстве, но слова назад не берет. – Ты не даешь мне помогать с выплатой ипотеки, так позволь купить тебе новую ванную.

Неужели последние комментарии Джастина попали в цель? Я открываю рот, чтобы возразить, но Саймон поднимает руку.

– Я настаиваю. Сам поищу приличную строительную компанию. Если такая вообще существует! Ладно, пойдем, а то я опоздаю, да и ты тоже.

Он вскакивает. Я свешиваю ноги с кровати и нащупываю пушистые тапочки. Халат холодит обнаженную кожу. Я, поеживаясь, спускаюсь по лестнице на кухню и ставлю чайник. Вокруг ног вьется Бисквит и едва не опрокидывает меня на пол, приходится поскорее насыпать корма в его миску.

Шум душа утихает, хлопает дверь ванной. На лестничной площадке раздаются шаги и приглушенные голоса, когда Кэти и Саймон сталкиваются в коридоре. Бойлер вновь начинает завывать. Похоже, Кэти сегодня торопится. А вот готовясь к вечеринке, она может часами сидеть в ванной. Не то чтобы Саймон когда-нибудь на это жаловался. Он скорее обойдется без душа, чем станет подгонять Кэти.

– Подростки, – пожал плечами он после того, как я однажды отчитала дочь за то, что она долго занимала ванную. – Мне не нужно много времени, чтобы голову помыть. – С печальной улыбкой он провел ладонью по редющей седой шевелюре.

– Ты очень чуткий, – сказала я.

После вспыльчивого Мэтта такое облегчение жить с кем-то настолько терпеливым. Я ни разу не видела, чтобы Саймон вышел из себя. Он сохранял спокойствие даже после сотого прихода соседей с жалобами на музыку, которую слушал Джастин, – хотя их собственные дети вопили куда громче. В Саймоне просто не было злости.

Мелисса прищурилась, когда я рассказала о том, что до нашей встречи Саймон десять лет жил один.

– И что с ним не так?

– Ничего! Просто не встретил подходящего человека. Зато поднаторел в домашнем хозяйстве. Готовит, убирает, даже гладит.

– Когда расстанетесь, отправишь его ко мне? Нил способен собрать компьютер с нуля, но как выключается пылесос, похоже, понятия не имеет.

Я рассмеялась. С самых первых дней чувствовала, что никогда не расстанусь с Саймоном. Помню трепет возбуждения, который охватил меня при нашем первом поцелуе; дрожь во время быстрого, неуклюжего секса, которым завершилось первое свидание, – все это будоражило еще сильнее, поскольку было совсем не в моем характере. Именно тем мне больше всего и нравился Саймон – рядом с ним я чувствовала себя другим человеком. Не мамой, не подружкой или женой Мэтта. С собой, Зоуи Уокер. К Мэтту я переехала сразу из родительского дома, а когда в тридцать лет оказалась одна, то так беспокоилась о детях, что было не до выяснения: кто же такая я сама? Встреча с Саймоном все изменила.

Я завариваю чай и отношу наверх поднос с четырьмя кружками. Стучусь в дверь Джастина, осторожно переступаю через хлам на полу и ставлю дымящуюся чашку на тумбочку рядом с кроватью.

– Джастин, чай.

Он не шевелится, и я забираю вчерашнее приношение – остывшее и нетронутое. Смотрю на сына: трехдневная щетина покрывает его нежное лицо с ямочкой на подбородке, длинные волосы упали на глаза, одна рука вытянута к изголовью.

– Дорогой, уже почти семь.

В ответ он что-то бормочет. На тумбочке лежит открытый ноутбук, на экране – какой-то музыкальный форум. Белые буквы на черном фоне. Если буду смотреть на него слишком долго, голова разболится. Слева фотография, которую Джастин использует в интернете, – его лицо, но почти полностью закрытое протянутой к камере ладонью. На ней черными буквами написано имя пользователя: Game8ou_94.

Двадцать два года, а ведет себя как двенадцатилетний. Кэти всегда так торопилась повзрослеть – не могла дождаться, пока оставит в прошлом Барби и «Моих маленьких пони», – но мужчины, похоже, остаются мальчишками гораздо дольше.

Я размышляю о том, что сказал Саймон прошлой ночью. Неужели Джастин действительно и в тридцать лет будет жить с нами? Раньше я думала, что никогда не захочу, чтобы мои дети покинули дом. Мне нравилось жить здесь втроем, встречаться за ужином, а в остальном – просто сосуществовать. Мы с Кэти иногда гуляли, а Джастин крутился на кухне, пока я готовила чай, воровал жареную картошку со сковороды и делился хитросплетениями компьютерных игр, в которых я ничего не смыслила. И обманывала себя мыслью, что мы словно соседи по квартире. Но когда ко мне переехал Саймон, я поняла, как сильно скучала по тому, чтобы по-настоящему делить свою жизнь с кем-то.

Джастин натягивает одеяло на голову.

– Ты опоздаешь на работу, – говорю я, понимая, что и сама опоздаю, если продолжу стоять на месте.

– Мне нехорошо, – раздается его приглушенный голос.

Я резко сдергиваю с сына одеяло.

– Мелисса взяла тебя на работу на свой страх и риск, Джастин. Не вздумай притворяться больным, слышишь?

Настойчивый тон моего голоса наконец доходит до него. Джастин понимает, что без поддержки Мелиссы – или без моей просьбы, если уж на то пошло – у него не было бы работы.

– Ладно. Не продолжай.

Он опускает ноги на пол и сидит на краю кровати в одних боксерах, ероша лохматые волосы, а я выхожу из комнаты.

Из приоткрытой двери ванной вырываются струйки пара. Я стучусь к Кэти, и она приглашает меня войти. Устроившись за письменным столом, дочка подводит брови. На ее лице безукоризненный макияж, а на голове намотано полотенце.

– Мам, ты потрясная. Я выпью чай, пока буду укладывать волосы. Выйдем в полседьмого?

– Хочешь тостов?

– От них меня разносит. Потом что-нибудь съем.

Она посылает мне воздушный поцелуй и берет свою кружку с надписью «Успокойся и смотри “Единственный путь – это Эссек”²». Кэти выглядит эффектно даже в махровом халате. Ноги от ушей. Бог знает, откуда она их взяла. Уж точно не от меня, а Мэтт хоть и выше ростом, довольно коренастый.

«Куплено и оплачено», – говаривал он, ухмыляясь и похлопывая себя по пивному животу. Невозможно быть сильнее непохожим на Саймона – высокого и стройного, с длинными ногами, которые отлично выглядят в брюках и очаровательно забавно – в шортах.

– Держу пари, он ни разу в жизни рук не запачкал, – презрительно произнес Мэтт после их первой встречи: неловкой, на пороге дома, когда мой бывший муж провожал Кэти.

– Может, ему и не нужно было, – возразила я и в ту же секунду пожалела о своих словах. Ведь Мэтт на самом деле умный. Возможно, не такой образованный, как Саймон, но определенно не дурак. Если бы не я, он закончил бы колледж.

Я приношу чай Саймону. Он уже надел бледно-голубую рубашку и темно-синие брюки. Пиджак пока еще в шкафу. В «Телеграф» принято одеваться неформально, и Саймон в качестве уступки перестал носить галстуки, но костюм на джинсы не сменил. Не такой он человек. Я бросаю взгляд на часы и запираюсь в ванной, надеясь, что мне оставили немного горячей воды. Однако это не так, и прием душа заканчивается довольно быстро.

Когда раздается стук в дверь, я уже вытираюсь.

² Молодежное реалити-шоу.

– Почти закончила!

– Это всего лишь я. Мне пора.

– Ой! – Я обматываю полотенцем влажное тело и открываю дверь. – Думала, мы вместе поедим.

Саймон целует меня.

– Я же говорил, что сегодня должен выйти пораньше.

– Десять минут, и мы с Кэти будем готовы.

– Извини, мне действительно нужно идти. Я позвоню тебе позже.

Он спускается вниз, а я заканчиваю вытираться, злясь на себя из-за того, что расстроилась. Саймон всего лишь не пошел со мной на станцию, а я реагирую словно девочка-подросток, которая отталкивает джемпер своего бойфренда. Раньше Саймон работал посменно, освещая ранние и поздние выпуски новостей и время от времени дежуря по выходным. Несколько месяцев назад – в начале августа – положение дел изменилось, его перевели на постоянный график с понедельника по пятницу. Я думала, его это обрадует, но, вместо того чтобы наслаждаться совместными вечерами, он возвращался подавленным и ворчал:

– Не люблю перемены.

– Ну, попроси всё вернуть обратно.

– Это так не работает, – обрывал он меня. – Ты не понимаешь.

Он был прав: я не понимала. И сейчас не понимаю: почему не подождать нас с Кэти десять минут?

– Удачи! – кричит он Кэти, спускаясь по лестнице. – Срази их наповал!

– Нервничаешь? – спрашиваю я, пока мы идем к станции.

Молчание Кэти красноречивей любых слов. Она прижимает к себе портфолио с дюжиной фотографий, которые стоили целое состояние. На каждом снимке у Кэти новый наряд и новое выражение лица. Но на всех фотографиях она прекрасна. За них заплатил Саймон, это был сюрприз на ее восемнадцатилетие. Не думаю, что я когда-нибудь видела дочь такой же счастливой, как в тот день рождения.

– Не уверена, что вынесу еще один отказ, – тихо произносит она.

Я вздыхаю.

– Это нелегкое ремесло, Кэти. Боюсь, ты еще много отказов получишь.

– Спасибо. Приятно знать, что твоя собственная мать так в тебя верит. – Она встряхивает светлыми волосами, словно готова умчаться прочь. Только вот нам нужно в одну и ту же сторону.

– Не дуйся, Кэти. Ты же понимаешь, что я имею в виду.

У входа на станцию «Кристал Пэлс» играет на гитаре девушка с дредами, я здороваюсь с ней и достаю из кармана пальто монетку. Уличную музыкантшу зовут Меган, она чуть-чуть старше Кэти. Я знаю об этом, поскольку однажды с ней разговорилась. Девушка рассказала, что родители выгнали ее из дома и теперь она ночует у друзей, играет на улицах и отстаивает очереди в благотворительные фонды Норвуда и Брикстона, где раздают еду малоимущим.

– Холодно сегодня, правда? – Я бросаю десять пенсов в гитарный футляр, монетка ударяется о горсть других. Меган прерывается, чтобы поблагодарить меня, и легко подхватывает мелодию на следующем аккорде.

– Десять пенсов ей не помогут, мам.

Мы входим на станцию, и песня Меган затихает позади.

– Десять пенсов утром и десять вечером. Это фунт в неделю. – Я пожимаю плечами. – Пятьдесят с лишним фунтов в год.

– Ну, в таком случае это очень щедро. – Кэти на мгновение замолкает. – А почему бы не бросать по фунту каждую пятницу? Или не подарить ей на Рождество пачку банкнот?

Мы достаем проездные и проходим через турникеты к поездам надземки.

– Потому что так не создается ощущения, что я трачу слишком много, – отвечаю я, хотя причина в другом. Дело ведь не в деньгах, а во внимании. И так мне удается каждый день проявлять немного доброты.

В Ватерлоо мы выбираемся из вагона на платформу, толпа подхватывает нас и уносит к Северной линии.

– Честно, мам, не знаю, как ты проделываешь это каждый день.

– Привычка, – говорю я, хотя не столько привыкла, сколько смирилась. Езда в переполненном зловонном поезде – неотъемлемая часть работы в центре Лондона.

– Ненавижу. В среду или субботу вечером тут и так несладко, но ездить в час пик? Боже, это меня доконает.

Кэти работает в ресторане неподалеку от Лестер-сквер. Можно было бы найти место и поближе к дому, но ей, по ее собственным словам, нравится находиться в «сердце города». По мнению Кэти, рядом с Ковент-Гарден и Сохо легче встретить кинопродюсера или агента, чем в Форест-Хилл. Наверное, она права, хотя за восемнадцать месяцев ее работы официанткой подобное пока еще не случилось.

Но сегодня Кэти держит путь не в ресторан. Она едет на прослушивание, где представители очередного театрального агентства посмотрят на нее и – она очень надеется – согласятся нанять. Мне бы очень хотелось верить в это, но я реалистка. Кэти красива и талантлива, она замечательная актриса, но у девятнадцатилетней девушки из Пекхэма примерно столько же шансов добиться успеха, сколько у меня выиграть в лотерею. А я даже лотерейных билетов не покупаю.

– Обещай, что, если не выгорит, ты хотя бы подумаешь про курсы секретарей, о которых я тебе говорила.

Кэти бросает на меня высокомерный взгляд.

– Просто чтобы у тебя была какая-то опора.

– Спасибо, что веришь в меня, мам.

На станции «Лестер-сквер» нас подхватывает толпа. Перед турникетами мы ненадолго разделяемся, а пройдя их, я вновь нахожу дочь и сжимаю ее ладонь.

– Я просто практична, вот и всё.

Кэти сердится на меня, и я ее не виню. Зачем было именно сейчас заводить разговор о курсах секретарей? Я смотрю на часы.

– До прослушивания еще сорок пять минут. Давай угощу тебя кофе.

– Мне хочется побыть одной.

«Поделом», – думаю я, но Кэти замечает боль в моих глазах.

– Просто чтобы текст повторить.

– Конечно. Ну, тогда удачи. Я серьезно, Кэти. Надеюсь, все пройдет великолепно.

Провожая ее взглядом, сожалея, что не могу просто порадоваться за дочку и подбодрить, как сделал Саймон перед уходом на работу.

– Могла бы проявить больше энтузиазма. Это бы тебя не убило.

Готовясь к обеденному наплыву посетителей, Мелисса намазывает маслом ломтики хлеба и складывает их попарно, начинкой внутрь. В застекленном шкафу стоят банки с салатом из тунца, копченым лососем и тертым сыром. Кафе в Ковент-Гардене называется «Тоже у Мелиссы». Оно больше, чем заведение на Анерли-роуд: у окна стойка с высокими барными табуретами, в зале пять или шесть столов с металлическими стульями, которые каждый вечер складывают в углу, чтобы уборщица могла вымыть пол.

– Имеешь в виду, я должна была ей соврать?

Без десяти девять в кафе лишь Найджел в длинном, испачканном грязью пальто, от которого при каждом движении исходит запах немытого тела. Он каждое утро сидит на высоком табурете у окна, сжимая в ладонях чайник с чаем. В десять Мелисса выставляет Найджела, говоря, что тот распугает ее посетителей. Раньше он сидел на тротуаре перед кафе и, положив перед собой кепку, просил милостыню. А потом Мелисса над ним сжалилась. Она берет с Найджела пятьдесят пенсов, на два фунта меньше, чем указано в меню, но, поверьте, разочарованным он не остается.

– Просто поддержи ее.

– Я *поддерживаю!* Вот, отпросилась с работы на пару часов, чтобы поехать с ней.

– А она об этом знает?

Я замолкаю. Планировала встретиться с Кэти позже и узнать, как прошло прослушивание, но она ясно дала понять, что мне не стоит болтаться поблизости.

– Ты должна подбадривать ее. Когда она станет звездой Голливуда, тебе не захочется прочитать в глянцево-м журнале: «Мама говорила, что я ни на что не гожусь».

Я смеюсь.

– И ты туда же. Вот и Саймон уверен, что у нее все получится.

– Ну, раз так, – произносит Мелисса таким тоном, словно все встало на свои места.

Ее волосы выбиваются из-под голубой сетки, и я поправляю их, чтобы Мелиссе не пришлось снова мыть руки. Она умеет за секунду собрать свои длинные густые и блестящие темные пряди в замысловатый узел. И втыкает в него ручку, пока работает. Это придает ей обманчиво богемный вид. Сегодня, как и в большинство дней, на Мелиссе ботильоны, джинсы и накрахмаленная белая рубашка. Закатанные до локтей рукава открывают кожу – настолько же бледную, насколько темная она у мужа моей подруги.

– Спасибо, – произносит она.

– Но при этом он не менее уверен, что станет популярным автором. – Я усмехаюсь, но тут же чувствую себя предательницей, хотя всего лишь пошутила.

– А разве для этого не нужно что-нибудь написать?

– Он *пишет*, – восстанавливая равновесие, бросаюсь я на защиту Саймона. – Но сначала ему нужно изучить массу информации. Да и выкроить свободное время, работая на полную ставку, довольно трудно.

– И что же он пишет?

– Кажется, какой-то шпионский триллер. Ты же меня знаешь, это не совсем моя литература. Предпочитаю Мейв Бинчи ³.

Я не читала роман Саймона. Он хочет закончить текст, прежде чем кому-то показывать, и меня это вполне устраивает. По правде говоря, я волнуюсь. Боюсь, что не найду подходящих слов. Что не смогу даже определить, хорошо вышло или нет. Я уверена, что получится хорошо. Саймон же прекрасно пишет. Он один из самых опытных журналистов «Телеграф» и работает над своей книгой с тех пор, как мы познакомились.

Дверь открывается, и в кафе входит мужчина в костюме. Он приветствует Мелиссу по имени и болтает с ней о погоде, пока варится кофе. Мелисса без лишних уточнений добавляет в чашку молоко и сахар.

На стойке у стены лежит пятничный номер «Метро», я беру его и просматриваю, пока подруга пробивает чек. Кто бы ни читал газету, он оставил ее сложенной на странице со статьей «Взлет преступности в метро». Хотя рядом никого, я инстинктивно кладу руку на сумку, которую по старой привычке ношу, перебросив на грудь. В статье несколько фотографий. Сильно избитый парень примерно того же возраста, что и Джастин, и женщина с открытым рюкзаком на коленях, которая выглядит так, будто вот-вот заплачет. Я просматриваю статью, но в ней нет

³ Ирландская романистка, автор сентиментальной прозы.

ничего нового. Советуют присматривать за вещами и не ездить в одиночку поздним вечером. То же самое я постоянно твержу Кэти.

– Джастин говорил, что твоя управляющая вчера приболела, – произношу я, когда мы вновь остаемся одни.

– Сегодня ее тоже нет, так что... – Мелисса показывает на голубую сетку для волос. – Держу пари, пока Ричард Брэнсон строил свою империю, у него такие проблемы не возникали.

– Держу пари, что возникали. Хотя не уверена, что можно назвать два кафе... – Я ловлю ее сердитый взгляд. – ...Два *потрясающих* кафе – империей.

– Три, – хитро глядит Мелисса.

Я поднимаю бровь и жду продолжения.

– В Кларкенуэлле. Не смотри на меня так. Кто не рискует, тот не пьет шампанское.

– Но... – Я успеваю замолчать прежде, чем переступаю черту.

Меня бы напугала идея открыть третье кафе, когда второе идет ко дну. Хотя, наверное, именно поэтому Мелисса занимается бизнесом, а я нет. Когда мы поселились по соседству с Мелиссой и Нилом, я ходила на бухгалтерские курсы по программе обучения для взрослых. В школе математика мне плохо давалась, но Мэтт забирал детей только по средам, так что либо бухгалтерия, либо обивка мебели, а я не могла представить, как зарабатываю на жизнь перетяжкой стульев. Мелисса и стала моей первой клиенткой.

– Раньше я сама вела бухгалтерию, – сказала она, услышав от меня о курсах, – но теперь сняла новое помещение в Ковент-Гардене, и мне не помешало бы немного себя разгрузить. Там ничего сложного – платежные ведомости и квитанции.

Я ухватилась за этот шанс. И хотя всего год спустя другой клиент – Грэхем Хэллоу – предложил мне постоянную работу, продолжала вести бухгалтерию обоих кафе Мелиссы.

– Значит, «У Мелиссы-три»? – спрашиваю я.

Она смеется.

– И четыре, и пять... Бесконечность – не предел!

Я договаривалась выйти на работу после обеда, но прихожу в одиннадцать. Грэхем демонстративно смотрит на часы.

– Славно, что вы сегодня появились, Зоуи.

Как всегда, на нем костюм-тройка, а в жилете прячутся настоящие карманные часы. «Профессионализм порождает доверие», – объяснил он мне однажды. Возможно, пытаясь подбить меня сменить брюки M&S на что-то старомодное в его стиле.

Я не веду на провокацию. В пятницу вечером Грэхем сам мне разрешил задержаться сегодня на два часа.

– Хотите, сварю вам кофе? – говорю я, давным-давно усвоив, что неизменная вежливость – лучший способ от него избавиться.

– Это было бы очень кстати, спасибо. Хорошо провели выходные?

– Неплохо.

Не вдаюсь в подробности, а он не спрашивает. Я больше не рассказываю ему о своей личной жизни, поскольку когда мы с Саймоном только начали встречаться, Грэхем осмелился заявить, что неприлично ходить на свидания с тем, кого встретил на работе. Хотя с тех пор, как Саймон приходил в наш офис за информацией о тарифах на аренду коммерческой недвижимости для статьи, которую он тогда писал, прошло уже три месяца.

– А на свидание с боссом ходить прилично? – ответила я, скрестив руки на груди и глядя ему прямо в глаза. Ведь через полтора месяца после того, как я узнала о романе Мэтта, была на нервах и не знала, куда идти, Грэхем Хэллоу сам приглашал меня на свидание. И получил отказ.

– Мне стало вас жаль, – ответил он, когда позднее я всё это ему высказала. – Думал, вам нужно взбодриться.

– Понятно. Спасибо.

– Возможно, ваш новый парень считает точно так же.

Я не проглотила наживку. Саймон вовсе меня не жалел. Он меня обожал. Покупал цветы, возил в хорошие рестораны и целовал так, что у меня подгибались колени. Мы встречались всего несколько недель, но я знала, что жалость тут ни при чем. Просто знала. Может, Грэхем действительно сочувствовал мне, но отказ так и не простил. Больше не позволял уходить пораньше, когда простывали дети, не делал поблажек, если поезда задерживались. С того момента он играл по правилам, а мне слишком нужна была работа, чтобы рисковать и нарушать заведенный порядок.

Грэхем допивает кофе, надевает пальто и исчезает. В ежедневнике никаких записей, но перед уходом босс бормочет что-то о встрече по поводу собаки, а я, честно говоря, рада просто остаться одна. Для понедельника в офисе необычно тихо, самое время приступить к запоздалой весенней уборке. Я пропускаю ненужные бумаги через шредер и протираю пыль под древними хлорофитумами.

Пищит телефон, приходит сообщение от Мэтта:

«КТ в порядке?»

Он всех так сокращает. Кэти – КТ, Джастин – Джас, а я – Зоуи, только когда мы ссоримся. Полагаю, Саймон стал бы Саем, сложись у них нормальные отношения.

Набираю в ответ:

«От нее ничего не слышно. Даже не знаю, хороший это знак или нет!»

«Она чувствовала себя уверенно?»

Я на секунду задумываюсь и отвечаю уклончивым:

«Оптимистично».

«А ты?: – *»

Заметив смайлик с поцелуем, я игнорирую сообщение. Снова начинаю вытирать пыль, и через несколько минут Мэтт звонит.

– Ты опять это сделала, да?

– Что сделала? – переспрашиваю я, хотя прекрасно понимаю, о чем речь.

– Расстроила ее перед прослушиванием.

Согласные звучат приглушенно, и я догадываюсь, что у него во рту сигарета. Так и есть – раздается металлический щелчок зажигалки, и Мэтт делает глубокую затяжку. Прошло почти двадцать лет с тех пор, как я в последний раз курила, но просто физически чувствую, как он выдыхает дым.

– Нет, – начинаю было, но Мэтт слишком хорошо меня знает. – Во всяком случае, не нарочно.

– Что ты сказала?

– Всего лишь упомянула курсы секретарей, о которых тебе рассказывала.

– Зо...

– Что? Ты же сам сказал, что для нее это идеально подходит.

Слышу на заднем фоне шум машин и понимаю, что Мэтт припарковался.

– Ты должна быть с ней помягче. Начнешь слишком сильно ее подталкивать, и она помчится совсем в другую сторону.

– Актерство – не настоящая работа, – отвечаю я, поскольку привыкла возражать Мэтту, а от такого трудно избавиться. – Ей нужно что-то надежное.

– Она скоро сама это поймет. И тогда мы будем рядом.

Я заканчиваю вытирать пыль в общем зале и иду в кабинет Грэхема. Его стол в два раза больше моего, но почти такой же аккуратный. Одна из немногих вещей, которая нас объединяет. Календарь лежит параллельно краю стола, мотивационная цитата призывает сделать сегодня то, за что завтрашняя «я» буду себе благодарна. На другой стороне стола три лотка для бумаг: «Входящие», «На рассмотрении», «Почта». Перед ними стопка газет. Сверху – свежая «Лондон Газетт».

Тут нет ничего необычного. В Лондоне трудно найти офис, в котором не выписывают это издание. Я беру верхний номер, убеждая себя, что все еще прибираюсь, и вижу, что под ним тоже «Лондон Газетт». А дальше еще и еще. Дюжина или даже больше, сложенные аккуратной стопкой. Бросаю взгляд на дверь, затем сажусь в кожаное кресло Грэхема, беру очередной экземпляр, просматриваю первые страницы, но, не удержавшись, перехожу к объявлениям. И чувствую, как в груди что-то сжимается, а ладони становятся влажными. На последней странице газеты – газеты, напечатанной несколько дней назад, – фото женщины, которую я уже видела.

* * *

Все мы – заложники привычек.

Даже ты.

Каждый день ты надеваешь одно и то же пальто и выходишь из дома в одно и то же время. У тебя есть любимое место в автобусе или поезде. Ты точно знаешь, какой эскалатор движется быстрее, через какой турникет удобнее проходить, в какую кассу самая короткая очередь.

Ты разбираешься в таких вещах. И я тоже.

Я знаю, что ты покупаешь одну и ту же газету в одном и том же киоске, берешь молоко в один и тот же день недели. Знаю, какой дорогой ты провожаешь детей в школу, как срезаешь путь домой, возвращаясь с урока зумбы. Знаю улицу, на которой ты расстаешься с друзьями после пятничных посиделок в пабе; и знаю, что дальше ты идешь до дома пешком совершенно одна. Знаю весь пятикилометровый маршрут, который ты пробегаешь воскресным утром, и точное место, где ты останавливаешься, чтобы размяться.

Я все это знаю, поскольку тебе никогда не приходило в голову, что за тобой кто-то наблюдает.

Рутинa тебя успокаивает. Она такая привычная, убаюкивающая. Рутинa создает у тебя чувство безопасности.

Рутинa убьет тебя.

6

Келли выходила из комнаты совещаний, когда зазвонил ее рабочий мобильник. «Номер скрыт», значит, почти наверняка звонок из диспетчерской. Зажав телефон между ухом и плечом, Келли ответила, одновременно застегивая бронежилет:

– Келли Свифт.

– Вы можете ответить на звонок миссис Зоуи Уокер? – раздался голос диспетчера. На заднем плане Келли слышала гул голосов: остальные операторы отвечали на вызовы и координировали работу. – Она хочет поговорить о краже на Кольцевой линии. Где, кажется, что-то из сумки вытащили?

– Вам следует соединить ее с отделом краж. Я перевелась оттуда несколько дней назад и теперь снова в патруле.

– Я пытался, но никто не берет трубку. А ваше имя все еще значится в криминальной сводке, так что... – Оператор умолк.

Келли вздохнула. Имя Зоуи Уокер ни о чем ей не говорило, но за три месяца в отделе краж она имела дело с большим количеством жертв карманников, чем могла запомнить.

– Соединяйте.

– Спасибо. – В голосе диспетчера прозвучало облегчение, и в который раз Келли порадовалась, что находится на переднем крае, а не торчит в комнате без окон, отвечая на звонки разгневанной публики. Она услышала слабый щелчок.

– Алло? Алло? – раздался в трубке нетерпеливый женский голос.

– Добрый день, это констебль Свифт. Чем я могу вам помочь?

– Наконец-то! Можно подумать, я пытаюсь дозвониться Ми-5.

– Боюсь, у нас не так увлекательно. Насколько понимаю, вы хотели поговорить о краже в метро. Что у вас украли?

– Не у меня, – ответила женщина таким тоном, будто Келли за ней не попевала, – а у Кейт Тэннинг.

Подобные обращения были обычным явлением. Стоило только газете процитировать слова полицейского офицера, как начинались звонки от граждан. Часто не имевшие отношения к статье. Слово одного твоего имени или номера значка достаточно для того, чтобы стать легкой добычей.

– Она заснула, пока ехала домой, и у нее из сумки украли ключи, – продолжала миссис Уокер. – Только ключи, и всё.

Подобные ограбления делали работу нетипичной. Приступая к предварительному отчету, Келли даже сомневалась, что стоит классифицировать этот случай как кражу. Но Кейт настаивала, что не потеряла ключей.

– Я держу их в отдельном кармашке, – объясняла она Келли. – Они просто не могли выпасть.

Внешний карман похожей на рюкзак сумки действительно защищали молния и кожаный ремешок. Но оба они оказались расстегнуты. На записи с камер наблюдения было видно, что, когда Кейт входила в метро на «Шепердс-Буш-Маркет», карман на сумке был застегнут. На «Эппинг» же, где девушка выходила, он был уже слегка приоткрыт, а ремешок свободно болтался.

Поначалу дело выглядело несложным. Кейт была идеальной свидетельницей: она всегда ездила с работы одним и тем же маршрутом, даже выбирала один и тот же вагон на Центральной линии и садилась – когда выпадала возможность – на одно и то же место. «Будь все такими предсказуемыми, – подумала Келли, – это очень упростило бы работу». На записи с камер она заметила Кейт уже через несколько минут поисков, но рядом не крутился ни один из потен-

циальных подозреваемых. Самыми серьезными преступниками подземки на тот момент были парни Кертиса, только они охотились за кошельками и айфонами, а не за ключами.

Стараясь найти именно этих ребят на записи из поезда, в котором и была совершена кража, Келли едва не проглядела настоящего злоумышленника.

Кейт спала, прислонившись к стенке вагона – ноги скрещены, руки крепко обнимают сумку. Келли так сосредоточилась, рассматривая молодых людей в толстовках и двух женщин в хиджабах, с младенцами на руках, что лишь в последний момент заметила мужчину, стоявшего рядом с Кейт. Он определенно не был похож на человека из банды карманников. Высокий, хорошо одетый. Серый шарф, дважды обмотанный вокруг шеи, прикрывал уши и нижнюю половину лица. Мужчина словно сражался с уличным ненастьем, а не ехал в метро. Он стоял спиной к камере, упрямо уставясь в пол. Затем стремительно склонился к Кейт Тэннинг и вновь выпрямился. Его правая ладонь слишком быстро исчезла в кармане, чтобы Келли успела разглядеть зажатый в ней предмет.

Мужчина предполагал, что в наружном отделении сумки окажется кошелек или телефон? Но удачная кража обернулась разочарованием, когда он понял, что добычей стала всего лишь связка ключей. Забрал их лишь потому, что бессмысленно было рисковать и пытаться положить обратно. А по пути домой выбросил.

В свой последний день в отделе краж Келли отслеживала путь преступника на записях с камер подземки. Но снимок мужчины получился настолько низкого качества, что не имело никакого смысла передавать его в розыск. Единственное, что удалось установить: это был азиат около шести футов роста. Хоть записи и были цветными, а их качество впечатляло – словно смотришь новости о пассажирах метро, – но это вовсе не гарантировало удачного опознания. Для такой камеры должны были быть направлены в нужную сторону и расположены так, чтобы зафиксировать лицо анфас. А преступления слишком часто совершались не прямо перед объективом, а несколько в стороне. Как и в данном случае. При попытке увеличить изображение оно становилось только более и более зернистым, пока все важные детали не расплывались окончательно, не оставляя ни малейшей надежды на опознание подозреваемого.

– Вы были свидетельницей кражи? – спросила Келли.

Если бы Зоуи Уокер действительно видела, как произошло преступление, то, разумеется, связалась бы с полицией гораздо раньше. Келли пришло на ум, что миссис Уокер, возможно, нашла пропавшие ключи и теперь их можно будет отправить на экспертизу.

– У меня есть для вас кое-какая информация, – ответила та. Говорила она официальным тоном, резким, почти грубым, но за этим чувствовалась неуверенность, которая наводила на мысль о волнении.

– Продолжайте, – мягко произнесла Келли.

Заглянувший в комнату сержант постучал по наручным часам. Она в ответ указала на телефон и одними губами произнесла: «Минутку».

– Жертва. Кейт Тэннинг. Ее фотография появилась в рекламном объявлении «Лондон Газетт» как раз перед кражей ключей.

Такого Келли совсем не ожидала. Она присела на стул.

– Каком объявлении?

– Я не совсем уверена. Оно было среди другой рекламы. Всяких услуг вроде секса по телефону и эскорта. А в пятницу я увидела точно такое же объявление. Но там, кажется, была моя фотография.

– Вам кажется? – Келли не смогла скрыть скепсис и услышала, что Зоуи Уокер начала колебаться.

– Ну, лицо было похоже. Только без очков. Хотя иногда я ношу контактные линзы. Такие одноразовые, на каждый день, понимаете? – Она вздохнула. – Вы мне не верите, да? Считаете меня сумасшедшей?

Келли почти так и подумала, а теперь ощутила укол вины.

– Все нет. Я просто пытаюсь установить факты. Вы можете назвать мне даты, в которые были напечатаны эти объявления?

Она подождала, пока Зоуи Уокер сверится с календарем, затем записала две даты: фото Кейт Тэннинг появилась в газете третьего ноября, фото самой Зоуи – тринадцатого ноября.

– Я займусь этим, – пообещала Келли, хотя не была уверена, что найдет время. – Доверьтесь мне.

– Нет. – Пол Пауэлл оставался тверд. – Ты три месяца разгуливала в штатском, пока мы делом занимались. Пора и тебе вернуться к настоящей полицейской работе.

Келли прикусила язык, понимая, что не стоит наживать врага в лице сержанта Пауэлла.

– Я всего лишь поговорю с Кейт Тэннинг, – произнесла она, ненавидя себя за умоляющий тон, – и сразу вернусь, обещаю.

Нет ничего хуже незаконченных дел, и хотя Зоуи Уокер казалась, мягко говоря, «с приветом», что-то в ее словах не давало Келли покоя. Могла ли фотография Кейт появиться в газетном объявлении? Возможно, она была не случайной жертвой, а заранее выбранной мишенью? Даже отрекламированной? В это трудно было поверить.

– Это больше не твое дело. Если есть обращение, которое нужно проверить, передай его в отдел краж. А если у тебя мало работы, только скажи...

Келли подняла руки. Она знала, когда следует уступить.

Кейт Тэннинг жила в Эппинге, недалеко от станции метро. Она обрадовалась звонку Келли и предложила после работы встретиться в баре на Сефтон-стрит. Та с готовностью согласилась, понимая, что если она хочет найти зацепку в деле, к которому официально уже не имеет отношения, то должна действовать самостоятельно.

– Значит, вы их не нашли?

Тридцатисемилетняя Кейт работала терапевтом в клинике близ Шепердс-Буш. У нее был довольно прямолинейный подход к делу, что, как подозревала Келли, отпугивало некоторых пациентов. А ей самой это даже нравилось.

– Я сожалею.

– Все в порядке. Честно говоря, я и не ждала. Хотя вы меня заинтриговали. Что там за реклама?

Секретарша в «Газетт» оказалась на удивление любезной и отправила по электронной почте цветные копии страниц с объявлениями за те даты, которые упоминала Зоуи Уокер. Келли изучала материалы, пока ехала в метро, и быстро нашла снимок женщины, в которой Зоуи узнала Кейт. Всего несколько дней назад фотограф из «Метро» сделал, наверное, тысячу ее снимков, и Келли тогда заметила, что у Кейт челка уложена на правую сторону, а между бровями есть небольшая морщинка. Женщина с фотографии в «Газетт» была поразительно на нее похожа.

Келли положила вырезанное объявление на стол и внимательно наблюдала за реакцией Кейт. Информации под снимком было мало, но вокруг располагались объявления об эскорт-услугах и сексе по телефону. Легко сделать вывод, что и тут предлагают нечто подобное. Врач подрабатывает в «Разговорах для взрослых»? Или девочкой по вызову?

Первое, что сделала Келли, получив копии объявлений, – вбила в поисковик адрес сайта findtheone.com. И оказалась на пустой странице с белым прямоугольником в центре. Вероятно, требовался какой-то пароль, но не было никаких намеков на него или на то, как его можно получить.

Удивление на лице Кейт выглядело искренним. На миг она замерла, а после смущенно рассмеялась. Затем взяла вырезку и пригляделась внимательнее.

– Могли бы выбрать ракурс и получше, не находите?

– Значит, это вы?

– Это точно мое зимнее пальто.

Снимок был обрезан – темный фон без приметных деталей. «Фотографировали в помещении», – подумала Келли, хотя и не могла сказать, почему так в этом уверена. Кейт смотрела не прямо в камеру, а куда-то вдаль, словно ее мысли занимало нечто другое. Виднелся краешек темно-коричневого пальто и меховая оторочка капюшона.

– Вы видели это фото раньше?

Кейт покачала головой. Келли поняла, что та напугана, несмотря на всю свою внешнюю уверенность.

– И, полагаю, объявление не вы разместили.

– Послушайте, условия в нашей системе здравоохранения непростые, конечно, но я пока не готова сменить профессию.

– Вы зарегистрированы на каких-нибудь сайтах знакомств? – Кейт посмотрела на нее с удивлением. – Простите, что спрашиваю, но мне нужно убедиться, что фотография не была взята из открытого источника.

– Нет, – ответила Кейт. – Никаких сайтов знакомств. У меня недавно закончились серьезные отношения, и, честно говоря, о новых я даже думать не хочу. – Она отложила копию газетной вырезки, сделала глоток вина и посмотрела на Келли. – Скажите честно, мне стоит волноваться?

– Не знаю, – искренне призналась Келли. – Это объявление появилось за два дня до того, как у вас украли ключи, а я узнала о нем всего несколько часов назад. Женщина, которая его нашла, – Зоуи Уокер – считает, что видела собственное фото в пятничном выпуске «Лондон Газетт».

– У нее тоже что-то украли?

– Нет. Но, по понятным причинам, она обеспокоена тем, что ее фотография появилась в газете.

– Как и я. – Кейт помолчала, словно взвешивая, стоит ли продолжать. – Дело в том, что последние несколько дней я подумывала вам позвонить.

– Почему же не позвонили?

Кейт пристально посмотрела на Келли.

– Я врач. И имею дело с фактами, а не с фантазиями. Как и вы, думаю. Я хотела позвонить вам, но... не была уверена.

– Уверена в чем?

Еще одна короткая пауза.

– Мне кажется, что кто-то залезал в мой дом, пока я была на работе.

Келли ничего не ответила, ожидая продолжения.

– Точно не могу сказать. Это скорее... Это скорее ощущение. – Кейт закатила глаза. Понимаю, что в суде такое не пройдет. Верно? Поэтому и не стала сообщать. Но на днях я вернулась с работы и, могу поклясться, почувствовала в холле запах лосьона после бритья, а когда поднялась наверх переодеться, увидела, что корзина для белья открыта.

– А вы не могли сами оставить ее открытой?

– Это возможно, но маловероятно. Ведь все закрываешь на автомате, понимаете? – Она помолчала. – Кажется, у меня пропало кое-что из нижнего белья.

– Но вы ведь сменили замки, так? – спросила Келли. – Вы ждали слесаря, когда позвонили.

Кейт выглядела смущенно.

– Я поменяла замок на входной двери, а на двери черного хода не успела. Это стоило бы лишнюю сотню фунтов, да и, честно говоря, смысла я не видела. По моим ключам адрес не узнать, и тогда мне казалось, что тратиться на замену обоих замков бессмысленно.

– А теперь? – Вопрос Келли нарушил повисшую тишину.

– Теперь я жалею, что не сделала этого.

7

Грэхем возвращается в офис почти в три часа дня.

– Деловой обед, – поясняет он, и по его расслабленному виду я делаю вывод, что обед сопровождала, по меньшей мере, пара пинт пива.

– Ничего, если я сбегаю на почту, раз уж вы здесь?

– Только побыстрее, у меня через час просмотр.

Марки на конверты уже наклеены, письма перетянуты резинками и сложены аккуратными стопками на краю стола. Я кладу их в сумку и надеваю пальто, а Грэхем исчезает в своем кабинете.

На улице так холодно, что я вижу собственное дыхание. Сжимаю руки в карманах и тру пальцы о ладони. Телефон во внутреннем кармане вибрирует. Похоже, пришла смс, но это может подождать.

В очереди на почте я расстегиваю пальто и нахожу телефон. Сообщение от констебля Келли Свифт.

«Не могли бы вы как можно скорее прислать мне свою фотографию?»

Неужели поговорила с Кейт Тэннинг? Значит, она мне верит? Не успеваю я дочитать смс, как на экране появляется новое.

«Без очков».

Передо мной в очереди шесть человек и столько же – за мной. Но констебль написала: «Как можно скорее». Я снимаю очки и нахожу в мобильном приложении «фотокамера». Приходится напрячься, чтобы вспомнить, как включается фронтальный режим. Затем я вытягиваю руку настолько далеко, насколько хватает смелости, ведь так не хочется, чтобы окружающие поняли, что я селфи делаю. Ракурс неудачный, из-за этого у меня на фото три подбородка и мешки под глазами. Не важно. Камера выдает меня громким щелчком. Так неловко. Кто делает селфи на почте? Я отправляю снимок констеблю Свифт и тут же получаю уведомление о том, что сообщение доставлено. Представляю, как она сравнивает мою фотографию со снимком из «Лондон Газетт». Сейчас она напишет, что я всё себе придумала. Но телефон молчит.

Тогда я пишу Кэти, чтобы узнать, как прошло прослушивание. Все закончилось несколько часов назад, но из-за того, как я разговаривала с ней утром, дочка не торопится сообщать новости. Отправив смс, засовываю телефон в карман.

Вернувшись в офис, я застаю Грэхема за тем, что он роется в верхнем ящике моего стола. Когда открывается дверь, босс резко выпрямляется. Его шею заливают безобразный пунцовый румянец, но не от смущения, а от досады на то, что его поймали с поличным.

– Вы что-то ищете?

В верхнем ящике лишь конверты, ручки и пачка резинок. Копался ли Грэхем в остальных? В среднем лежат старые записные книжки, аккуратно разложенные по датам на случай, если мне понадобится что-то найти. А вот в нижнем – кавардак: пара кроссовок еще с тех времен, когда я думала попытаться делать перед поездом пробежки до реки; колготки; косметика; «Тампакс». Очень хочется велеть Грэхему убрать руки от моих личных вещей, но я знаю, что он ответит: это его бизнес, его стол и его ящики. Будь Грэхем Хэллоу домовладельцем, он бы инспектировал своих съемщиков безо всяких предварительных звонков.

– Ключи от Доходного дома. Их нет на месте.

Я подхожу к металлическому шкафчику, который висит на стене в коридорчике, рядом с картотекой. Доходный дом – это офисное здание внутри огромного комплекса, который называется «Городская биржа». Проверяю крючок под буквой «Г» и тут же нахожу ключи.

– Я думала, биржу ведет Ронан?

Ронан – последний в длинной череде младших агентов. Агенты исключительно мужчины – Грэхем не верит, что женщины способны вести переговоры, – и так похожи, словно носят один на всех костюм и просто передают его новенькому после увольнения. Надолго они не задерживаются, хорошие сбегают так же быстро, как никудышные.

Либо не услышав, либо проигнорировав мой вопрос, Грэхем забирает ключи и напоминает, что скоро приедут новые съемщики из Черчилль-Плейс, чтобы подписать договор аренды. Затем он уходит под звон дверного колокольчика. Грэхем не доверяет Ронану, вот в чем проблема. Он не доверяет никому из нас, а поэтому постоянно уходит из офиса – в котором ему следовало бы находиться, – всех проверяет и всем мешает.

На станции «Кэннон-стрит» полно мужчин в деловых костюмах. Я пробираюсь сквозь толпу почти до самого туннеля – в первом вагоне всегда меньше людей, а когда мы доберемся до «Уайтчепел», двери откроются прямо перед выходом.

В поезде я подбираю сегодняшней номер «Лондон Газетт», брошенный на грязном выступе позади моего сиденья. Сразу раскрываю последнюю страницу и нахожу объявление с недействительным номером телефона: 0809 4 733 968. На сегодняшней фотографии темно-волосая женщина, в нижней части снимка виден намек на пышную грудь, широкая улыбка открывает ровные белые зубы. На шее у женщины тонкая цепочка с маленьким серебряным крестиком.

Знает ли она о своей фотографии среди объявлений?

От констебля Свифт ничего не слышно, и я уговариваю себя, что это молчание скорее обнадеживает, чем пугает. Если бы нашлись причины для беспокойства, она сразу позвонила бы. Как врач, который спешит сообщить о тревожных результатах анализов. А отсутствие новостей – это ведь хорошая новость, да? Все-таки Саймон прав: в газете была не моя фотография.

На «Уайтчепел» я делаю пересадку, чтобы надземкой добраться до «Кристал Пэлс». Позади меня раздаются шаги. Обычное дело – в метро повсюду слышатся шаги, звук отражается от стен, усиливается и множится, пока не начинает казаться, что это идут, бегут, топают ногами десятки людей.

Но я не могу избавиться от ощущения, что это совсем другие шаги.

Что кто-то идет за мной.

Однажды меня уже преследовали. Мне тогда было восемнадцать, я была на первых месяцах беременности и шла из магазина домой. Грядущее материнство сделало меня сверхосторожной. На каждом углу чудилась опасность: о трещину на тротуаре можно запнуться; велосипедист наверняка врежется. Я чувствовала такую ответственность за жизнь, которая росла внутри меня, что даже дорогу не могла переходить, не думая о том, что подвергаю риску своего малыша.

И вот я отправилась за молоком, убедив мать Мэтта, что мне нужно размяться. Хотелось немного отблагодарить ее за радушие. Уже стемнело, и по пути домой я почувствовала, что за мной кто-то идет. Не было ни шагов, ни других намеков на чье-то присутствие, лишь уверенность: за спиной кто-то есть. И, что гораздо страшнее, этот человек старается вести себя как можно тише.

Теперь я чувствую ту же уверенность.

А тогда не знала, что делать. Перешла на другую сторону улицы – преследователь тоже перешел. Тут я и услышала его шаги – он догонял меня, больше не стараясь оставаться незамеченным. Я обернулась и увидела парня немногим старше Мэтта. В толстовке с капюшоном. Его руки прятались в карманах, а нижнюю половину лица скрывал шарф.

Путь к дому можно было срезать по узкой улочке позади зданий, больше похожей на проулок. «Так получится быстрее», – решила я. Не могла мыслить ясно, просто хотела оказаться дома, в безопасности.

Свернув за угол, я бросилась бежать, а парень кинулся следом. Я бросила сумку, пластиковая крышка молочного пакета лопнула, мостовую залили белые брызги. Через несколько секунд я тоже упала, ударилась коленями и прикрыла ладонью живот.

Все закончилось очень быстро. Парень склонился надо мной, грубо обшарил карманы, вытащил кошелек и убежал. А я осталась сидеть на земле.

Шаги приближаются.

Я иду все быстрее. Едва сдерживаюсь, чтобы не побежать. Походка получается настолько неестественной, что я с трудом удерживаю равновесие, а мою сумку швыряет из стороны в сторону.

Чуть впереди виднеется компания девушек, я пытаюсь догнать их. Ведь вместе безопаснее. Они дурачатся, бегают, прыгают, смеются, но не пугают меня. Не то что шаги за спиной. Громкие, тяжелые, приближающиеся.

– Эй! – раздается голос.

Мужской. Грубый и резкий. Я прижимаю сумку к груди, чтобы ее не открыли, а затем впадаю в панику: если кто-то ее схватит, то следом потащит и меня. В голове вертятся слова, которые постоянно твержу своим детям: «Лучше пусть тебя ограбят, чем ранят. Сдавайся без боя. Никакие вещи не стоят твоего здоровья».

Шаги звучат все быстрее и ближе. Мужчина бежит.

Я тоже, но из-за паники становлюсь неуклюжей, подворачиваю лодыжку и почти падаю. За спиной раздается все тот же голос, он что-то кричит, но кровь так сильно стучит в ушах, что я не различаю слова. Слышу лишь звук чужих шагов и собственное дыхание, которое с шумом вырывается из легких.

Лодыжка болит. Не могу бежать, поэтому и не пытаюсь.

Я сдаюсь. Оборачиваюсь.

Он совсем молодой, лет девятнадцати-двадцати. Белый, в мешковатых джинсах, в кроссовках, которые барабанят по бетонному полу.

«Я отдам мобильный – ему же это нужно. И наличные. У меня есть наличные?»

Пытаюсь перебросить ремень сумки через голову, но он цепляется за капюшон. Парень совсем рядом. Ухмыляется, словно наслаждаясь моим страхом, моей дрожью и тем, что я не могу выпутаться из собственной сумки. Крепко зажмуриваюсь. «Давай. Просто сделай то, что задумал».

Его кроссовки стучат по полу. Быстрее, громче, ближе. Мимо...

Я открываю глаза.

– Эй! – снова кричит он. – Сучки!

Туннель сворачивает налево, и парень скрывается из виду, но из-за эха кажется, что он все еще бежит за мной. Дрожь не унимается, мое тело не в силах осознать то, что самое плохое так и не произошло.

Я слышу вопли. Иду вперед. Лодыжка пульсирует. За поворотом снова вижу парня. Он догнал девушек и обнимает одну из них. Остальные ухмыляются. Все говорят одновременно, возбужденная болтовня нарастает, достигает крещендо, и они раздражаются визгливым, точно у гиен, смехом.

Я иду медленно. Из-за лодыжки, а еще потому, что, пусть и вижу теперь, что нет никакой опасности, не хочу проходить мимо этой шайки подростков, из-за которых почувствовала себя такой дурой.

«Шаги за спиной не означают преследователя, – твержу я про себя. – А если кто-то бежит, то не обязательно за тобой».

На выходе со станции «Кристал Пэлс» со мной заговаривает Меган, но я медлю с ответом. Такое облегчение оказаться на свежем воздухе, к тому же я злюсь на себя за то, что впала в панику из-за пустяка.

– Прости, что?

– Я просто сказала: «Надеюсь, ваш день прошел хорошо».

В ее гитарном чехле меньше дюжины монет. Меган как-то рассказывала мне, что в течение дня выгребает монеты по фунту и по пятьдесят пенсов. «Если люди считают, что дела у тебя идут слишком хорошо, то перестают подавать», – объяснила она.

– Да, хорошо, спасибо, – говорю я ей сейчас. – Увидимся утром.

– Я буду здесь! – отвечает она, и меня успокаивает ее предсказуемость.

В конце Анерли-роуд я минуя свою калитку и подхожу к дому Мелиссы. Дверь распахнута – это ответ на сообщение, которое я отправила, пока шла от станции.

«Не пора ли выпить чашечку чая?»

– Чайник включен, – произносит Мелисса, увидев меня.

На первый взгляд их с Нилом дом такой же, как и мой: маленький холл, лестница напротив входной двери, сбоку проход в гостиную. Но на этом сходство заканчивается. В задней части дома, где у меня располагается тесная кухонька, у Мелиссы – просторная пристройка, выходящая в сад. Два огромных окна в потолке позволяют свету проникать внутрь, а вдоль всего дома тянутся раздвижные двери.

Я следую за подругой на кухню, где за барной стойкой перед ноутбуком сидит Нил. Стол Мелиссы – у окна, и Нил, когда не на работе, часто сидит здесь, хотя наверху у него есть кабинет.

– Привет, Нил.

– Привет, Зоуи. Как дела?

– Неплохо. – Я колеблюсь, не зная, стоит ли делиться историей про фотографии в газете. Даже не уверена, что смогу ее объяснить. Возможно, разговор поможет. – Забавная штука приключилась: я тут увидела в «Лондон Газетт» фото очень похожей на меня женщины.

Слегка усмехаюсь, но Мелисса перестает заваривать чай и пристально смотрит на меня. Мы слишком много времени проводим вместе, чтобы мне удалось что-то от нее утаить.

– Ты в порядке?

– Да. Это была всего лишь фотография, и только. В рекламе сайта знакомств или чего-то в этом роде. Но фотография была моя. По крайней мере, я так думала.

Теперь сбитым с толку выглядит Нил. И винить его не за что, я ведь какую-то бессмыслицу несу. Сразу вспоминается парень в метро, который догонял своих подруг. Хорошо, что никто из моих знакомых не видел, какое представление я устроила. Может, у меня какая-то разновидность кризиса среднего возраста, панические атаки на пустом месте?

– Когда это было? – спрашивает Нил.

– В пятницу вечером.

Я окидываю взглядом кухню, но, конечно же, никакой «Газетт» не нахожу. Это в моем доме мусорное ведро постоянно забито газетами и картонными упаковками, а Мелисса свое выносит регулярно.

– Увидела в разделе объявлений. Всего лишь номер телефона, адрес сайта и фотография.

– Твоя фотография? – уточняет Мелисса.

Я колеблюсь.

– Ну, кого-то похожего. Саймон сказал, что у меня, наверное, есть двойник.

Нил смеется.

– Но ты-то себя узнаешь?

Я сажусь рядом с ним за барную стойку. Он закрывает ноутбук и отодвигает в сторону, чтобы не мешать.

– Думаешь? Пока ехала в метро, была уверена, что это я. А когда добралась до дома и показала остальным, уже засомневалась. Ведь откуда там взяться моему снимку?

– Ты звонила по тому номеру? – Мелисса, забыв про кофе, прислоняется к кухонному острову напротив нас.

– Он не работает. И веб-сайт тоже. Адрес у него еще такой, что-то вроде «найди ту самую точка ком», но ты просто оказываешься на пустой странице с белым прямоугольником посередине.

– Хочешь, я взгляну? – предлагает Нил.

Он работает с компьютерами. Не знаю, что конкретно с ними делает, но однажды Нил так подробно мне это объяснял, что теперь даже неловко за свою забывчивость.

– Всё в порядке, честное слово. У тебя и так полно работы.

– Да, полно, – печально говорит Мелисса. – Завтра он в Кардиффе, а потом до конца недели в парламенте. Мне повезет, если хоть раз за это время увидимся.

– Парламент? Ого! И как там?

– Скучно. – Нил ухмыляется. – По крайней мере, там, где буду я. Устанавливаю им новый брандмауэр и вряд ли пообщаюсь с премьер-министром.

– Документы за октябрь уже готовы? – спрашиваю я Мелиссу, внезапно вспомнив, зачем заглянула.

Она кивает.

– На столе. Вон, на оранжевой папке лежат.

Рабочий стол Мелиссы белый и блестящий, как и остальная мебель на кухне. Столешницу почти полностью занимает огромный аймак, а все папки по кафе стоят на полке над ним. Рядом с компьютером подставка для ручек, которую Кэти сделала еще в школе.

– Не могу поверить, что ты по-прежнему это хранишь.

– Конечно, храню! Так мило, что она для меня ее смастерила.

– Кэти тогда четверку получила, – вспоминаю я.

Когда мы только переехали в соседний дом, денег пугающе не хватало. Просто катастрофически. В «Теско» предлагали взять больше смен, но приходилось к трем бежать за детьми в школу, так что это был не выход. А потом в дело вмешалась Мелисса. Тогда у нее было лишь одно кафе, которое закрывалось сразу после обеда. Мелисса забирала детей, приводила к себе, и, пока заказывала доставку продуктов на завтра, они смотрели телевизор. Мелисса и Кэти пекли, Нил показывал Джастину, как добавлять к материнской плате оперативную память, а я могла платить по ипотеке.

Нахожу пачку квитанций, они лежат на оранжевой папке, под сложенной картой метро и блокнотом, заполненным аккуратным почерком Мелиссы и разбухшим от стикеров и записок.

– Очередной план захвата мира? – шучу я, кивая на блокнот, и замечаю взгляд, которым обмениваются Нил и Мелисса. – Ох. Простите. Не смешно?

– Это для нового кафе. Нил не в таком восторге от идеи, как я.

– Нормально я отношусь к этой идее, – говорит Нил. – А вот банкротство энтузиазма у меня не вызывает.

Мелисса закатывает глаза.

– Ты так не любишь рисковать.

– Слушайте, я, наверное, откажусь от чая, – произношу я и беру квитанции.

– Ой, останься! – говорит Мелисса. – Мы не будем ссориться, обещаю.

– Не в том дело, – смеюсь я, хотя немного и в том. – Просто сегодня Саймон выводит меня в свет.

– В будний день? И по какому случаю?

- Просто так, – улыбаюсь я. – Всего лишь немного романтики в вечер понедельника.
- Вы совсем как подростки.
- У них самый расцвет любви. Когда-то и мы были такими, – говорит Нил и подмигивает Мелиссе.
- А мы были?
- Вот подожди, Мел, начнется у них «зуд седьмого года», тогда и они будут в постели смотреть телевизор, споря о том, кто оставил открытой зубную пасту.
- Так мы тоже часто делаем, – смеюсь я. – Ну, увидимся.

Дома меня встречает незапертая дверь и пиджак Саймона, перекинутый через перила лестницы. Я поднимаюсь в мансарду и стучу в дверь.

– Что ты делаешь дома в такую рань?

– Привет, красавица. Не слышал, как ты вошла. Хорошо день прошел? А я в офисе не смог сосредоточиться, вот и принес домой кое-какую работу.

Осторожно, стараясь не удариться головой о потолочную балку, он встает поцеловать меня. Мансарду переделывали прежние владельцы, они решили особенно не тратиться и сохранили оригинальные стропила. Так что комната получилась большая, но выпрямиться в полный рост можно только в центре.

Я бросаю взгляд на ближайшую стопку бумаг и вижу отпечатанный на машинке список имен с чем-то вроде кратких биографий.

– Интервью для статьи, которую я должен написать, – объясняет Саймон, заметив мой интерес. Он перекладывает бумаги, освобождая место, чтобы я могла присесть на краешек. – Попытки добраться до этих людей – это форменный кошмар.

– Не понимаю, как ты здесь что-то находишь.

Возможно, в ящиках моего рабочего стола неразбериха, но сверху он почти пустой. Там только лоток для документов, фотография детей и цветов в горшке. Перед уходом домой я все прибираю и пишу список дел на завтра, даже если некоторые из них делаю машинально: открыть почту, проверить автоответчик, заварить чай.

– Организованный хаос. – Саймон опускается в крутящееся кресло и хлопает по колену, приглашая меня присесть.

Засмеявшись, я сажусь. Для равновесия обхватываю рукой его шею, целую, позволяя себе расслабиться, а затем неохотно отстраняюсь.

– Я заказал столик в «Белла Донне».

– Идеально.

Я не слишком требовательная женщина: не трачу деньги на одежду и косметику, а если дети хотя бы вспомнят о моем дне рождения, то мне и этого вполне достаточно. Мэтт даже в юности не любил все эти сердечки и цветочки. Да и я тоже. Саймон смеется над моей циничной натурой, говорит, что постепенно пробуждает во мне женственность. После стольких лет борьбы за то, чтобы на столе появлялась еда, походы в рестораны по-прежнему остаются роскошью, но настоящее удовольствие – провести время вместе. Только вдвоем.

Я принимаю душ и мою волосы. Побрызгав духами запястья, тру их друг о друга, и воздух вокруг наполняется ароматом. Надеваю платье, которое давно не носила, и с облегчением замечаю, что оно все еще впору, затем из вороха туфель на дне шкафа выуживаю лакированные черные шпильки. Когда Саймон переехал, я потеснила свою одежду, освободив для него место, но кое-что ему все равно пришлось унести на чердак. В доме три спальни, но они крошечные: у Джастина размером с гостиничный номер на одного, а у Кэти едва хватает места, чтобы обойти двуспальную кровать.

Саймон – уже в пиджаке и галстук – ждет меня в гостиной. Он ничуть не изменился с того дня, когда я впервые увидела его в «Хэллоу и Рид». Помню, какой теплой улыбкой ответил он на мое сдержанное приветствие.

– Я из «Телеграф», – сказал Саймон. – Мы пишем статью о росте цен на аренду коммерческой недвижимости: независимые магазинчики вытесняют из центра и тому подобное. Было бы здорово, если бы вы рассказали, как обстоят дела на данный момент.

Он встретился со мной взглядом, а я, пряча вспыхнувший румянец, уткнулась в картошку и потратила гораздо больше времени, чем требовалось, чтобы найти около дюжины подходящих примеров.

– Вот это может вас заинтересовать. – Я села за стол и положила между нами документы. – Раньше там была сувенирная лавка, но арендная плата выросла, и уже полгода помещение пустует. В следующем месяце его займет «Британский фонд сердца».

– Я мог бы поговорить с владельцем здания?

– Увы, не могу разглашать личные данные, но если дадите номер своего телефона, я ему передам. – Я снова покраснела, хотя в моем предложении не было ничего непристойного.

Между нами точно искра пробежала. Это не было моей фантазией.

Саймон, шурясь, записал свой номер. Помню, что подумала: «Он, наверное, носит очки, а сегодня то ли забыл их, то ли из тщеславия не надел». Я еще не знала, что Саймон всегда прищуривается, когда старается сосредоточиться. Волосы у него уже тогда были седые, хотя и не такие редкие, как теперь, четыре года спустя. Высокий и худощавый, он легко уместился на узком стуле возле моего стола и небрежно скрестил ноги. Из-под обшлага темно-синего пиджака выглядывали серебряные запонки.

– Спасибо за помощь.

Саймон, казалось, не спешил, а мне уже и не хотелось, чтобы он уходил.

– Не за что. Было приятно познакомиться с вами.

– Что ж, – сказал он, пристально глядя на меня, – мой номер у вас есть... Может, дадите свой?

На Анерли-роуд мы ловим такси, хотя ехать совсем недалеко. Я замечаю мимолетное облегчение на лице Саймона, когда машина останавливается и ему удается разглядеть водителя. Однажды, в самом начале наших отношений, мы, заслоняясь от дождя плащами, запрыгнули в черное такси. И лишь подняв взгляды, увидели в зеркале заднего вида лицо Мэтта. На секунду мне показалось, что Саймон захочет выйти, но он лишь уставился в окно. Так и ехали в молчании. Даже Мэтт, который и мертвого разговорит, не пытался завязать беседу.

В этом ресторане мы бывали уже несколько раз, и хозяин заведения приветствует нас по имени. Затем подводит к столику у окна и вручает меню, которое мы оба знаем наизусть. Рамы картин и светильники оплетены праздничной мишурой.

Мы, как обычно, заказываем пиццу для Саймона и пасту с морепродуктами для меня. Заказ прибывает слишком быстро, скорее всего, тут не готовят блюда с «нуля».

– Сегодня утром я просмотрела объявления в «Газетт». У Грэхема в кабинете оказалась целая куча номеров.

– Тебя ведь не повысили до третьей полосы? – Саймон разрезает пиццу, и тонкая струйка масла стекает с нее на тарелку.

Я смеюсь.

– Не уверена, что у меня для этого подходящая внешность. Штука в том, что я узнала женщину на одной из реклам.

– Узнала? Хочешь сказать, это кто-то из знакомых?

Качаю головой.

– Нет, ее фото я видела в другой газете. В статье о преступлениях в метро. Я рассказала об этом полиции. – Стараюсь говорить спокойно, но голос срывается. – Мне страшно, Саймон. А что если на снимке из пятничного номера действительно была я?

– Это не так, Зоуи. – На лице Саймона беспокойство, но не потому, что кто-то поместил мое фото в газету, а потому, что я *думаю*, будто так и оно есть.

– Я ничего не выдумывала.

– Может, у тебя стресс из-за работы? Или из-за Грэхема?

Саймон считает, что я схожу с ума. И я начинаю думать, что он прав. Тихо произношу:

– Та женщина действительно была похожа на меня.

– Я знаю.

Он откладывает в сторону нож с вилкой.

– Вот что я тебе скажу: допустим, это была твоя фотография.

Именно так Саймон решает проблемы – докапывается до самой сути. Пару лет назад на нашей улице произошла кража со взломом. Кэти убедила себя, что в следующий раз влезут в наш дом, и эта мысль не давала ей уснуть. А когда Кэти наконец засыпала, ей снились кошмары, и она просыпалась с криком, уверенная, что в комнате кто-то есть. Я впала в полнейшее отчаяние. Все перепробовала. Даже сидела с ней, как с маленькой, и ждала, пока дочка уснет. Саймон выбрал более практичный подход к делу. Он отвез Кэти в строительный магазин, где они купили оконные замки, сигнализацию и дополнительный засов для садовой калитки. Потом вместе обезопасили весь дом, даже покрыли водосточные трубы специальным составом, который не позволил бы по ним забраться. Кошмары мгновенно прекратились.

– Ладно, – говорю я, находя эту игру до странного веселой. – Допустим, на фотографии действительно была я.

– Откуда тогда она взялась?

– Не знаю. Задаю себе тот же вопрос.

– Но ведь ты заметила бы, что тебя фотографируют?

– А вдруг кто-то использовал длиннофокусный объектив, – отвечаю я, понимая, как нелепо это звучит. Что дальше? Папарацци прячутся возле дома? Мимо меня пронесется мотоциклист, а фотограф за его спиной свешивается на одну сторону, пытаясь сделать удачный снимок для сенсации в газете? Саймон не смеется, но когда я со смущенной улыбкой признаю абсурдность такого предположения, на его лице тоже появляется улыбка.

– Кто-то мог украсть твое фото. – Он снова становится серьезен.

– Да! Это выглядит вполне возможным.

– Хорошо, давай представим, что кто-то использовал твою фотографию для рекламы своей фирмы. – От такого рационального и бесстрастного подхода к делу я постепенно успокаиваюсь, чего Саймон с самого начала и добивался. – Это ведь кража персональных данных, верно?

Я киваю. У ситуации теперь есть название – к тому же такое знакомое, – и она словно отстраняется от меня. Каждый день происходят сотни – возможно, тысячи – случаев мошенничества с персональными данными. В «Хэллоу и Рид» нам приходится быть очень осторожными – несколько раз проверять удостоверения личности и принимать только оригиналы или заверенные копии. Взять чужую фотографию и выдать за свою – пугающе легко.

Саймон продолжает осмысливать произошедшее с рациональной точки зрения.

– Подумай вот о чем: могло ли это тебе на самом деле навредить? Seriously навредить, как, скажем, если бы кто-то открыл от твоего имени банковский счет или подделал твою кредитку?

– Это совсем жутко.

Саймон подается вперед и накрывает ладонями мои руки.

– Помнишь, у Кэти в школе были проблемы с девчонками?

Я киваю. Одно упоминание той истории наполняет меня гневом. Когда Кэти исполнилось пятнадцать, над ней издевались три сверстницы. Завели от ее имени аккаунт в «Инстаграм» и выкладывали фотографии, где с помощью компьютерной программы приставляли голову Кэти к разным телам. Голых мужчин и женщин. Мультяшных героев. Инфантильная, ребяческая выходка, которая забылась еще до конца семестра, но Кэти была раздавлена.

– И что ты ей сказала?

«Слово не обух, в лоб не бьет, – объясняла я тогда дочери. – Не обращай на них внимания».

– Насколько я понимаю, – продолжает Саймон, – существуют две возможности. Либо на фото просто какая-то похожая женщина, хотя и близко не такая красивая...

Комплимент неуклюжий, но я все равно улыбаюсь.

– ...либо это кража личных данных, которая раздражает, но вреда для тебя не несет.

С его логикой невозможно спорить. Но тут я вспоминаю о Кейт Тэннинг, она – мой туз в рукаве.

– У женщины, которую я видела в газете, украли ключи в метро.

На лице Саймона замешательство, он ждет продолжения.

– Это произошло после того, как ее фото появилась в рекламе. Точно так же, как и мой снимок. Снимок похожей на меня женщины, – поправляюсь я.

– Совпадение! Скольких из наших знакомых обчищали в метро? И со мной такое случилось. Такое каждый день случается, Зоуи.

– Да, наверное.

Я знаю, о чем думает Саймон. Ему нужны доказательства. Он журналист и имеет дело с фактами, а не с догадками и паранойей.

– Как считаешь, газета станет это расследовать?

– Какая газета? – Он видит выражение моего лица. – Моя? «Телеграф»? Ой, Зоуи, вряд ли.

– Почему?

– Это не вполне сюжет. То есть, я понимаю твое беспокойство, произошла действительно странная вещь, но на новость она не тянет, если ты меня понимаешь. Кражей документов, честно говоря, никого не удивить.

– Но ты ведь мог бы предложить такую историю? Выяснить, кто за этим стоит?

– Нет.

Его резкий ответ ставит точку, и я жалею, что вообще заговорила об этом. Раздула из мухи слона и сама себя с ума свела. Я съедаю кусочек чесночного хлеба и доливаю вина в бокал. Сама не заметила, как допила. Нужно что-то делать со своей тревожностью. Медитировать. Заниматься йогой. Я становлюсь неврастеничкой, не хватало еще, чтобы это повлияло на наши отношения.

– Кэти рассказала тебе о прослушивании? – спрашивает Саймон.

Я благодарна ему и за смену темы, и за нежность в голосе. Значит, он не рассердился на меня за паранойю.

– Она не отвечает на сообщения. Сегодня утром я сказала ей кое-что глупое.

Саймон поднимает бровь, но я не вдаюсь в подробности.

– А когда ты с ней разговаривал? – спрашиваю, стараясь, чтобы в моем голосе не звучала горечь.

Некого винить в молчании Кэти, кроме самой себя.

– Она мне написала.

Из-за меня Саймон теперь чувствует себя неловко. Я спешу его успокоить:

– Здорово, что она захотела с тобой поделиться. Честно. Думаю, это просто замечательно.

Я и в самом деле так считаю. Еще до переезда Саймона, но когда у нас все уже было серьезно, я нарочно пыталась почаще оставлять его наедине с детьми. Вспоминала о какой-нибудь вещи, забытой наверху, или шла в туалет, когда в этом не было необходимости. Надеюсь, что вернусь и застаю их за непринужденной беседой. Мне обидно, что Кэти не написала мне, но я рада, что она захотела поделиться с Саймоном.

– И что там с работой?

– Я почти ничего не знаю. Агентство не предложило ей свои услуги, но она завела полезные контакты. И, похоже, в этом есть доля правды.

– Замечательно!

Мне хочется выхватить телефон и написать Кэти, как я горжусь ею, но усилием воли останавливаю себя. Лучше поздравлю ее лично. Я начинаю рассказывать Саймону о новом кафе Мелиссы и контракте Нила в здании парламента. До появления десерта мы успеваем заказать вторую бутылку вина, и за пудингом я уже хихикаю над историями Саймона из тех времен, когда он работал младшим репортером.

Саймон оплачивает счет, оставляя щедрые чаевые. Он собирается поймать такси, но я его удерживаю.

– Давай пройдемся.

– Но на такси мы меньше десятки потратим.

– Я просто хочу прогуляться.

Мы идем пешком. Я беру Саймона под руку. Мне не важна стоимость поездки, я просто хочу еще немного продлить этот вечер. На перекрестке Саймон целует меня. Поцелуй все длится и длится. Мы даже не замечаем, как зажигается и гаснет зеленый сигнал светофора, приходится снова нажимать кнопку.

Похмелье будит меня в шесть утра. Я спускаюсь вниз за водой и аспирином, включаю «Скай Ньюс», наполняю стакан под краном и жадно пью. Затем снова наливаю воды и опять пью, держась за край раковины, поскольку меня шатает. Вот именно поэтому я редко притрагиваюсь к спиртному в будни.

На столе сумочка Кэти. Когда мы с Саймоном прошлым вечером вернулись домой, дочка была уже в постели. Мы даже похихикали над иронией ситуации, пытаясь никого не разбудить, пока поднимались наверх. Рядом с чайником лежит сложенный пополам листок бумаги с надписью «Маме». Жмурясь от головной боли, я открываю записку.

«Мне дали первую роль! Не могу дождаться, чтобы все тебе рассказать. Люблю. Чмоки-чмоки».

Несмотря на похмелье, я улыбаюсь. Она меня простила. Нужно будет проявить бешеный восторг, когда Кэти станет рассказывать о новой работе. Никаких упоминаний о курсах секретарей или запасных вариантах. Интересно, что ей предложили: подработку или настоящую роль? Наверное, что-то в театре. Хотя я позволяю себе пофантазировать и представляю, что Кэти получила место в каком-нибудь длинном сериале на телевидении и скоро ее имя прославится.

Диктор «Скай Ньюс» Рэйчел Лавлок рассказывает об убийстве женщины из Масвелл Хилл. Наверное, Кэти могла бы стать ведущей. Внешность у нее определенно подходящая. Читать новости ей не захотелось бы, но вот, например, вести музыкальную программу или развлекательную передачу вроде «Вольных женщин» или «Шоу-Один» – это вполне для нее. Я снова наливаю воды в стакан и, облокотившись на стол, смотрю в экран телевизора.

Там уже не студия, а репортаж с места событий. Рэйчел Лавлок сменила репортерша в теплом пальто, которая с серьезным выражением лица рассказывает о происшествии. Пока она говорит, на экране появляется фотография жертвы. Ее звали Таня Бекетт, и она выглядела ненамного старше Кэти, хотя, по словам репортерши, убитой было двадцать пять. Она не вер-

нулась с работы, и ее бойфренд поднял тревогу, а вчера ночью тело Тани Бекетт нашли в парке. В ста ярдах от собственного дома.

Возможно, дело в похмелье или в том, что я не до конца проснулась, но я целую минуту смотрю на фотографию на экране, прежде чем в голове что-то щелкает. Темные волосы, улыбочивое лицо, пышная фигура. Цепочка с серебряным крестиком.

И тут до меня доходит.

Это она была во вчерашнем объявлении.

* * *

Как быстро ты бегаешь?

Когда это действительно нужно?

На каблучках, в узкой юбке, с сумкой, которая бьет тебя по бедру. Как быстро?

Когда нужно домой, а ты опаздываешь на поезд и мчишься по платформе, имея в запасе жалкие секунды. Как быстро ты будешь бежать?

И что, если ты бежишь не за поездом, а спасая свою жизнь?

Если ты поздно вышла с работы и вокруг никого? Если твой телефон разрядился и никто не знает, где ты? Если шаги за спиной все ближе и ты знаешь – поскольку проделываешь этот путь каждый день, – что сама по себе, что между платформой и выходом ни души?

Если чувствуешь на шее чужое дыхание, и паника нарастает, и темно, и холодно, и сыро?

Если вас тут лишь двое?

Только ты и тот, кто гонится за тобой. Кто бы за тобой ни гнался.

Как быстро ты тогда побежишь?

Это не важно.

Потому что всегда есть тот, кто бежит быстрее.

8

Келли зажали рот. Она чувствовала на лице чужую ладонь, ощущала вкус пота с пальцев, которые проскальзывали между ее губ. Кто-то тяжелый навалился сверху и коленом заставил раздвинуть ноги. Келли попыталась закричать, но звук застрял в горле, а сердце наполнилось паникой. Она старалась вспомнить полицейскую подготовку – приемы самообороны, которым их учили, – но в голове было пусто, а тело оцепенело.

Рука исчезла, но передышка была недолгой. Вместо ладони к ее губам прижался чей-то рот, чужой язык прорывался внутрь.

Она слышала дыхание – тяжелое, возбужденное – и ритмичный стук.

– Келли.

Стук усилился.

– Келли. Ты в порядке?

Дверь спальни распахнулась. Давление исчезло, и Келли наконец смогла глотнуть воздуха.

– У тебя опять кошмар.

Келли старалась отдышаться. В комнате было темно, и свет из коридора очерчивал силуэт в дверном проеме.

– Сколько времени?

– Половина третьего.

– Боже, прости меня. Я тебя разбудила?

– Нет, я только вернулась со смены. Ты в порядке?

– Да. Спасибо.

Дверь закрылась. Келли лежала в темноте, чувствуя, как по груди струится пот. Десять лет прошло с тех пор, как она сидела, держа Лекси за руку, слушала то, что сестра рассказывала полицейскому, а потом – позже – наблюдала на экране, как показания записывали на видео. Как плакала ее близняшка, описывая каждую мелочь, каждую унижительную и болезненную подробность.

– Я не хочу, чтобы мама с папой всё это услышали, – говорила тогда Лекси.

Однажды, много лет спустя, Келли спросила сестру, бывают ли у той кошмары. Спросила небрежно, словно это только что пришло ей в голову. Словно сама она не просыпалась от ощущения мужского тела, которое давит на грудь, и пальцев, пытающихся забраться ей в рот.

– Было разок, – ответила Лекси. – Через несколько дней после всего этого. Но больше никогда.

Подушка стала мокрой от пота. Келли спихнула ее на пол и положила голову на простыню. Сегодня выходной. Она пойдет к Лекси и, может быть, поужинает с мальчиками. Но сначала кое-что сделает.

Редакция «Лондон Газетт» вместе с еще несколькими располагалась в огромном и невзрачном здании в Шепердс-Буш. Келли показала секретарше удостоверение и села в кресло с прямой спинкой, которое было вовсе не таким удобным, каким казалось. Она старалась не обращать внимания на поселившуюся внутри тревогу: да, взялась за расследование, но ведь в свободное время, а работать сверхурочно – не преступление.

Даже в ее голове это звучало неубедительно. Делом Кейт Тэннинг Келли больше не занималась и, как только появились новые обстоятельства, должна была сообщить о них сержанту из отдела краж.

Именно так она и поступит. Когда выяснит что-нибудь конкретное. У отдела краж такая же нехватка людей, как и у любого другого подразделения. Без явных зацепок дело Кейт может пролежать мертвым грузом много дней. Кто-то же должен сделать его приоритетным.

За три месяца до нападения Лекси приходила в полицию за советом. Возле ее комнаты в общежитии появлялись цветы, а в ячейку для писем кто-то подкидывал записки, где упоминались наряды, в которых она была накануне.

– Похоже, у вас появился поклонник, – сказал дежурный.

Лекси ответила, что ей от этого неуютно. Она была так напугана, что даже шторы не открывала – боялась, что за ней подглядывают.

Полицейские объявились только после того, как из комнаты пропали вещи. Зафиксировали ограбление, начали расспросы. Она уверена, что запирала дверь? Ведь следов взлома нет. Почему она решила, что вором был тот же человек, который оставлял цветы и записки? Ведь никакой явной связи нет.

Неделю спустя Лекси возвращалась с поздней лекции и услышала за спиной шаги. Слишком осторожные. Слишком близкие. Они не могли принадлежать случайному прохожему. Но сообщать об этом она не стала. Какой смысл?

Через неделю все повторилось, и Лекси поняла, что обратиться в полицию все-таки придется. Когда волоски на ее руках встали дыбом, а дыхание перехватило от страха, она сообразила, что ей вовсе не кажется. Ее на самом деле преследуют.

Но было слишком поздно. Она не смогла убежать.

Келли размышляла обо всех инициативах по профилактике преступлений, которые видела за девять лет работы. Постеры, листовки, тревожные кнопки, образовательные программы... Но ведь всё куда проще – нужно лишь прислушиваться к жертвам. И верить им.

– Детектив-констебль Свифт?

Склонив голову набок, к ней приближалась какая-то женщина. Келли не стала ее поправлять. Полицейского в штатском вполне справедливо принять за детектива, а не за патрульного.

– Меня зовут Тамир Баррон, – продолжала женщина, – я возглавляю отдел рекламы. Не хотите ли подняться ко мне?

На стенах шестого этажа в толстых дубовых рамах висели рекламные постеры за последние сто лет. Пока Келли шла вслед за Тамир по устланному ковром коридору, она успела заметить плакат с мылом «Пирс», гелем для волос «Брилкрим», газировкой «Санни Делайт».

– Результаты запроса, который вы присылали, уже готовы, – произнесла Тамир, едва они вошли в кабинет и присели, – хотя я по-прежнему не вижу связи с... Что, говорите, вы расследуете? Ограбление?

Обошлось без насилия, а значит, кража ключей не была ограблением, но Келли решила замять этот факт на случай, если от тяжести преступления зависела степень готовности Тамир к сотрудничеству. Кроме того, если Кейт права и преступник проследил за ней до самого дома, а потом еще и внутрь проникал, то дело гораздо серьезнее. При мысли о человеке, который шнырял по дому Кейт, Келли бросило в дрожь. Что он там делал? Прикасался к косметике? Брал в руки нижнее белье? А что, если он приходил не единожды? Келли представила, как незванный гость глубокой ночью тихонько бродит по кухне Кейт, крадется наверх, стоит у кровати и наблюдает за спящей женщиной.

– В тот момент жертва ехала по Центральной линии, – сказала Келли. – Преступник скрылся с ключами и, мы полагаем, позже воспользовался ими для проникновения в дом. А за два дня до инцидента в рекламном разделе вашей газеты появилась фотография жертвы.

Она надеялась, что Кейт уже сменила замок на двери черного хода. Достаточно ли этого, чтобы почувствовать себя в безопасности? Очень сомнительно.

– Понимаю. Но тут есть небольшая проблема. – Тамир по-прежнему улыбалась, но отвела взгляд и слегка заерзала в кресле. – Существует определенный протокол, которому нужно следовать, принимая подобные объявления: компании обязаны иметь лицензию и предоставлять рекламодателю – в данном случае нам – ее номер. Откровенно говоря, мы не бегаем за подобными клиентами. Вы сами видели, раздел довольно маленький. Я назвала бы их необходимым злом.

– А почему необходимым? – спросила Келли.

Тамир посмотрела на нее так, словно ответ был очевиден.

– Ну, они же хорошо платят. Сейчас большинство услуг такого рода – секс по телефону, эскорт-услуги, агентства знакомств и так далее – рекламируют через интернет, однако у нашей печатной версии по-прежнему большая аудитория, а рекламой всё это оплачивается. Как вы понимается, секс-индустрия открыта для всякого рода злоупотреблений, а наши меры гарантируют, что любая подобная фирма должным образом сертифицирована, а следовательно, и контролируется.

Она снова уставилась на стол.

– Но в данном случае ваши протоколы не были соблюдены?

– Боюсь, что так. Клиент обратился к нам первый раз в конце сентября. Его объявления должны были появляться ежедневно весь октябрь. Незадолго до конца месяца мы получили от него вторую партию объявлений, и то же самое произошло в ноябре. С клиентом работал наш новый сотрудник, Бен Кларк, и он оформил заказ без номера лицензии.

– Это допустимо?

– Ни в коем случае!

– Могу я поговорить с Беном?

– Я узнаю его данные в отделе кадров. Бен пару недель назад уволился. Боюсь, у нас тут довольно высокая текучка.

– Как клиент платил? – спросила Келли.

Тамир сверилась с записями в блокноте.

– Кредитной картой. Мы можем предоставить вам эту информацию и, разумеется, адрес клиента, но с вашей стороны мне нужно разрешение на изъятие данных.

– Конечно.

Черт! Тамир Баррон так охотно согласилась на встречу, Келли даже надеялась, что ей просто отдадут папку. Разрешение на изъятие данных должен подписать инспектор, а тогда придется признаться, что в свободное время ведешь расследование.

– А пока, может быть, вы дадите мне копии объявлений – и тех, что уже напечатаны, и тех, что ждут своей очереди?

Она смотрела в глаза Тамир со всей уверенностью, на которую была способна.

– Разрешение на изъятие данных... – начала та.

– Оно необходимо для изъятия персональных данных – адресов или номеров кредитных карт. Это вполне понятно. Но ведь в самих объявлениях подобных сведений нет? А мы с вами говорим о вероятной серии преступлений.

Сердце Келли стучало так громко, что даже странно, как Тамир этого не услышала. Нужно ли разрешение и на изъятие рекламных объявлений? Келли не могла вспомнить и мысленно скрестила пальцы в надежде, что Тамир тоже не в курсе.

– Серия? Были и другие ограбления?

– Боюсь, большего я не могу вам сказать, – ответила Келли.

Ей хотелось добавить: «Это конфиденциальная информация».

Повисла пауза.

– Я сниму копии и пришлю их в приемную. Вы можете подождать там.

– Спасибо.

– И, разумеется, мы поговорим со всеми сотрудниками о том, что следует строго придерживаться регламента.

– Благодарю. Полагаю, вы отмените публикацию остальных объявлений?

– Отменим?

– Да, тех, что еще не вышли. Вы не можете их печатать. Они способны спровоцировать преступления против женщин.

– Я вам сочувствую, констебль Свифт, но, при всем уважении, защита общественности – это ваша работа, а моя – издание газеты.

– Но вы могли бы отложить публикацию на несколько дней? Не совсем отменить, а...

Келли замолчала, осознав, что ее слова звучат непрофессионально. Нужны были железные доказательства того, что между преступлениями и рекламой существует связь. Да, кража ключей у Кейт Тэннинг явно связана с объявлением в газете, но Зоуи Уокер не стала жертвой преступления. Одних предположений недостаточно.

– Боюсь, отложить нельзя. Клиент заплатил вперед, и, чтобы расторгнуть контракт, мне нужно будет получить разрешение моего начальства. Если, конечно, у вас нет судебного ордера.

Лицо Тамир оставалось спокойным, но во взгляде читалась твердость, и Келли решила не настаивать. С вежливой улыбкой она ответила:

– Судебного ордера у меня нет. Пока нет.

Едва Келли нажала на звонок, как за дверью раздалась взволнованные крики племянников. Мальчишки со всех ног бежали встретить тетю. Пятилетний Альфи был в костюме Человека-паука и пластиковом шлеме викинга. На трехлетнем Фергюсе красовалась футболка с миньонами, которых малыш просто обожал.

– А это что такое? – Келли изобразила изумление, глядя на толстые ножки малыша. – Штанишки для больших мальчиков?

Фергюс с улыбкой задрал футболку, вместо памперса на нем были шорты.

– Пока рано говорить, – произнесла Лекси, появляясь следом за мальчиками. Она легко подхватила младшего сына и поцеловала Келли. – Так что смотри под ноги.

Семья Лекси жила в Сент-Олбансе, в районе, полном сексуальных мамочек с колясками. Получив диплом в Дареме, Лекси прошла двухгодичные курсы и нашла работу учительницы истории в местной средней школе. Там она и познакомилась со своим будущим мужем – Стюарт работал заместителем директора. С тех пор они были неразлучны.

– А где Стью?

– На родительском собрании. К счастью, свое я провела вчера. Ладно, вы двое, за пижамами. Вперед.

– Но мы хотим поиграть с тетей Келли! – застонал Альфи.

Келли опустилась на колени и обняла племянника.

– Вот что я скажу: вы идите, быстренько надевайте пижамы, чистите зубы, а потом у нас будет время на щекотку. Договорились?

– Договорились!

Мальчишки побежали наверх, а Келли улыбнулась.

– И совсем несложно детей воспитывать.

– Будь ты здесь полчаса назад, так бы не говорила. Нервная система просто плавилась. А теперь мальчишки уже поели, так что я подумала: мы их уложим, а когда уснут, сами поужинаем. Я приготовила грибное ризотто.

– Звучит замечательно.

У Келли запищал телефон, она взглянула на экран и нахмурилась.

– Что-то не так?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.